
ЛЕОНИД ИВАШОВ
МАРШАЛ ЯЗОВ
РОКОВОЙ АВГУСТ 91-ГО
ПРАВДА О «ПУТЧЕ»

Л. Г. ИВАШОВ

МАРШАЛ ЯЗОВ
(РОКОВОЙ АВГУСТ 91-ГО)

БИБЛИОТЕЧКА ЖУРНАЛА «МУЖЕСТВО»

Москва
1992

ОТ АВТОРА

Рядом с Д. Т. Язовым, под его непосредственным руководством, мне довелось трудиться более 4 лет. Много это или мало? По крайней мере достаточно, чтобы судить, как подчас ошибалась пресса, рисуя облик тогдашнего министра обороны. Многие публикации, появившиеся после августа 1991 года, такое впечатление лишь усилили. С иных страниц Язов предстает как заурядный заговорщик, вынашивавший свои планы чуть ли не с первого дня пребывания на своем высоком посту. Выиграет ли истина от такого примитивного упрощения? И подумалось: а если попытаться рассказать о Язове то, что, вероятнее всего, широкому читателю неизвестно, что оставалось за ширмой официальных встреч, документов, интервью?

Милость к падшим, если учесть нынешнее состояние бывшего министра? Не только. Скорее желание побудить читателя к самостоятельному видению этого, вне сомнения, незаурядного человека.

В этой книге, надеюсь, нет жестких оценок, нет стремления выдать одних за белых, других — за красных. Автор сознательно избегал этого, доверяя опыту и вкусу тех, кто сочтет за труд прочитать здесь написанное.

... А В РАНЦЕ — МАРШАЛЬСКИЙ ЖЕЗЛ

Таким его подчиненные не видели никогда. Во всех критических ситуациях он был сгустком выдержки, твердости, воли. И когда поднимал свой поредевший взвод в заранее обреченную атаку или держал десяток бойцов на позиции против сотен немцев на Волховском фронте, и когда войска под его командованием в ходе маневров не могли выйти в срок на запланированный рубеж, и когда на 1-м Всеармейском офицерском собрании делегаты в лицо говорили ему о проблемах, которые он должен был и не мог решить.

Сегодня, на исходе 20 августа 1991 г., Д. Т. Язов, министр обороны второй по военной мощи ядерной державы, Маршал Советского Союза, немногим более года назад получивший из рук Президента СССР маршальский «жезл», подавлен и растерян. Внешне еще пытается изобразить выдержку и самообладание, но все, кто близко с ним соприкасался, чувствуют в нем надрыв. Тяжелыми шагами, с каменным лицом он ходит по кабинету. Подойдя к письменному столу, садится в кресло, обхватывает голову руками. Через мгновение проводит ими по лицу, как бы пытаясь отбросить, отогнать от себя мысли о близкой трагической развязке. Боже, зачем он впутался в эту авантюру, в этот балаганный спектакль?

Снова встает, останавливается напротив портрета М. С. Горбачева, смотрит мутным взором на него, — и вновь тяжелые шаги, тяжелые раздумья. На минуту задерживается у бюстов А. В Суворова и М. И. Кутузова. Что это: обращение за советом, за подсказкой в критической ситуации или же попытка оправдаться перед великими полководцами России? Он тоже попадает в анналы истории, его имя долго будет на устах современников и потомков. Но бюстов ему не поставят. Через день-другой его портреты станут спешно снимать со стен, также спешно уничтожать или же засовывать в темные углы, подальше от людских взоров. Это-то он знает твердо.

Так в многострадальной Отчизне на его памяти случа-

лось не раз. Лесть, славословие, стремление быть первым в коленопреклонении перед сильными мира сего в одночасье сменялись тем же стремлением быть первым и в ниспровержении вчерашних кумиров после их падения с пьедестала.

Сам же Язов не особенно верил и доверял льстецам, но в то же время не противился их появлению. Не их он делал своей главной опорой в службе — предпочтение отдавал прямолинейным, не гнушавшимся черновой работы офицерам и генералам, но и коленопреклонники «имели место быть» в его окружении. И завтра они отмежуются от него первыми.

Снова шаги, кресло, шаги по пустому кабинету, хозяином которого он был более четырех лет.

Зазвонил городской телефон, не переключенный на приемную. По привычке дернулся, потянулся за трубкой, но не взял ее, а резко ударил по клавише переключателя. Что уготовил ему этот ночной звонок? Чью-то злость, ненависть или, наоборот, поддержку и сочувствие невидимого абонента? Но ни то, ни другое сейчас одинаково не нужно. Все, похоже, кончено, впереди зияющая чернота, и он сам шагнул в нее двое суток назад...

И его имя будут трепать все кому не лень, искать в его биографии, выстроенной своими руками, обильно политой потом и кровью, признаки будущего путчиста.

Такого финала своей военной карьеры даже во сне предположить он не мог. Карабкаясь по тернистым зигзагам армейской лестницы, он достиг ее последней ступени. Теперь же предстояло стремительно скатиться вниз. Тяжелое предчувствие охватило Маршала Советского Союза, последним получившего это высокое и весьма престижное воинское звание...

* * *

«Пахал от зари до зари». Именно так, может, несколько просторечно, но исчерпывающе определил сам Д. Т. Язов главную примету своего жизненного пути в разговоре с подчиненным накануне ареста. Вряд ли при этом он помнил давнюю характеристику, данную заместителю командира роты лейтенанту Язову командиром 483-го стрелкового полка майором Колчиным, где также отмечалось огромное трудолюбие подчиненного. Совпадение знаменательно. Едва ли удалось бы человеку подняться к высотам власти, будь он апатичен, ленив, отсутствуй у него здоровое честолюбие. Правда, в нашей действительности немало примеров достаточно легкого вос-

хождения с помощью «мохнатой руки», могущественной поддержки. К Язову это, однако, отношения не имело.

* * *

Родился Дмитрий Тимофеевич в небольшой деревне Язово, что в Омской области, в 1924 году. Крестьянская семья рано приучает к труду — здесь недосуг долго нянчиться с детьми. Язов однажды припомнил принцип, которым руководствовались в семье: ребенка воспитывать до тех пор, «пока он не вдоль кровати помещается, а поперек». К тому же в 1934 году умер отец. Мужать, хочешь не хочешь, пришлось рано.

В десять лет взвалил на себя трудную мужскую долю. Постоянный, требующий огромной физической силы крестьянский труд. Но в душе прочно засела мечта — стать профессиональным военным. С возрастом она усиливалась, приобретала конкретные очертания. Этому способствовала обстановка в стране. Несмотря на репрессии, престиж военных в преддверии войны был чрезвычайно высок, а военная служба являлась действительно почетной. Начавшаяся Великая Отечественная война подтолкнула юношу к принятию решения. Явившись в военкомат, он прибавил себе год возраста и попросился в армию. «Лучше в офицеры», — смущенно добавил он военкому. С сомнением записав возрастные данные призывника, военком направил его в Новосибирск, куда осенью 1941 г. было перебазировано Московское пехотное училище.

С ноября 1941 года по июль 1942-го Дмитрий Язов — курсант пехотного училища имени Верховного Совета РСФСР, курс ускоренный: фронт требовал самую, пожалуй, выбиваемую в боях категорию офицеров — командиров взводов и рот. Учился курсант Язов с каким-то остервенением, стремясь максимально насытиться военными знаниями и навыками. С первых недель он стал одним из лучших в учебе. Жадно ловил сводки с фронта и мысленно видел себя на передовой. Летом 1942 года состоялся выпуск командиров пехотных взводов и — сразу направление в действующую армию.«...Принял взвод на Волховском фронте... Так профессия офицера стала делом всей моей жизни», — лаконично заключает маршал о начале своей военной биографии.

483-й стрелковый полк, куда попал восемнадцатилетний лейтенант, занимал позиции у станции Погостье. Первое, с чем обратился к взводному один из подчиненных, была просьба помочь написать домой. 40—50-летние бойцы составляли основу его взвода, половина из них ма-

лограмотные, не умеющие писать и читающие по слогам. Подчас резало слух их неуставное обращение к комвзвода — «сынок», но и ответственность за них, годившихся ему в отцы, заметно усиливалась. Состав-то большей частью нестроевой, вооружены в основном трехлинейками. Учились вместе воевать до седьмого пота. И воевали. И теряли боевых друзей.

«Передовая, — вспоминал маршал, — очень быстро расставляла все по своим местам, показывала, кто есть кто. Все наносное, показушное отлетало, как шелуха, и открывалась суть человека. И если говорить о том, что особенно ценилось в людях, я бы назвал надежность. Это своего рода синтез боевого, профессионального мастерства и нравственной чистоты, порядочности».

Сколько ни приходилось Язову обращаться к фронтовой поре, неизменно эти воспоминания полны теплоты, признания боевым товарищам за чувство локтя, окопное братство, помогавшее, по его собственному признанию, «без страха смотреть в глаза смерти».

Последняя миновала лейтенанта, хотя вражий свинец пометил и его. После госпиталя стал заместителем командира роты. С февраля 1943-го и до конца войны сначала на Волховском, а потом на Ленинградском фронте служил командиром взвода на курсах младших лейтенантов, свой боевой опыт ровесникам передавал.

В конце победного 45-го занял должность, которую Дмитрий Тимофеевич назвал для себя «самой памятной... да и, пожалуй, самой дорогой из всех офицерских должностей» — командира роты.

24 октября 1947 года газета Ленинградского военного округа «На страже Родины» целую полосу посвятила отличной роте гвардии старшего лейтенанта Язова. «Постоянно изучайте своих солдат, и тогда вам легче будет обучать и воспитывать их», — этот совет Язова коллегам, прозвучавший со страниц газеты, выдает глубинные истоки того внимания, которое уделял он «человеческому фактору», будучи ротным командиром, комбатом, командиром полка, командующим войсками округа, да и министром обороны.

Успехи по службе, какую бы должность ни занимал, сопровождали его практически постоянно. Аттестации были отличными. Может, и не знал тогда Дмитрий Тимофеевич старую французскую поговорку — «плох тот солдат, который не мечтает стать маршалом», но следовал ей пунктуально. Потому — закономерен и последователен рост. Ни одна ступенька на пути к командирской зре-

лости не пропущена. И еще — две военные академии с золотой медалью.

Не сломили и сопутствующие офицерской службе бытовые невзгоды. Хотя мысли бросить скитальческую жизнь и сделать остановку иногда посещали молодого командира. Об этом он вспоминал так:

«В 1956 году я окончил с золотой медалью академию им. Фрунзе и поехал служить в Ленинградский военный округ. И началось: месяц без квартиры, второй... А жена, которая в это время жила у матери в Боровичах (это недалеко от Бологого), все время твердит: иди ищи частную квартиру, я тут одна. Уже тогда, тридцать лет назад, найти жилье было немногим легче, чем сейчас. Наконец нашел комнатенку... в 20 километрах от места службы. Домишко деревянный, свои дрова, свой уголь. А тут хозяева подселили к нам еще одну семью. Так и жили в тесноте целый год.

Но ничего, кое-как перебился... А после этого где я только не служил. был вместе со своим полком на Кубе во время Карибского кризиса, служил на Дальнем Востоке, в Забайкалье, на Украине, в Закавказье, Москве, Центральной группе войск, Средней Азии, снова на Дальнем Востоке...». Настроение бывало разным, признавался маршал, и подчас подмывало «бросить якорь» — пойти на преподавательскую работу, служить в столице. И возможности-то выпадали.

Последняя представилась в 1974 году, когда после Военной академии Генерального штаба, покомандовав армией в ЗакВО, Д. Т. Язов был назначен в Москву в Главное управление кадров, начальником ведущего управления. На этой относительно спокойной должности можно было дослужить до отставки, да еще при случае получить генерал-полковника. Но уже через два года он заскучал в Москве и стал проситься в войска.

В ноябре 1976 года он едет на Дальний Восток первым заместителем командующего войсками округа. Затем через два с небольшим года командует советскими войсками в Чехословакии, а далее — войсками Среднеазиатского, и с июня 1984 года — Дальневосточного военного округов.

Серьезной проверкой организаторского таланта генерала Дмитрия Язова стало назначение его командующим войсками Среднеазиатского военного округа. Округ приграничный, по размеру один из наиболее крупных, воинские гарнизоны и объекты друг от друга и от штаба округа находятся на большом удалении. В связи с поспешным его образованием многие части были необустроены,

офицеры не имели жилья, техника — под открытым небом. Новый командующий, ознакомившись с состоянием дел в округе, в числе первых мер приказал разработать планы строительства жилья, создания учебно-материальной базы, укрытия техники. Мобилизовал все ресурсы округа для решения поставленных им задач, установил хорошие контакты с первым секретарем ЦК компартии Казахстана Д. Кунаевым, с руководителями партийных и советских органов областей, на территории которых дислоцировались войска округа. Инициатива Д. Язова была поддержана в ЦК республики, округу оказали существенную помощь в поставке строительных материалов, продовольствия, техники. Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов, с уважением относившийся к инициативным командующим, выделил дополнительные средства для САВО.

Весь округ пришел в движение. Командующий и управление округа большую часть времени проводили в частях, на строительных площадках. Буквально за два года реконструировали Алма-Атинское высшее общевойсковое командное училище, обустроили учебную дивизию в Отаре, создали новые и модернизировали старые учебные центры, почти половина бесквартирных офицеров получили жилье.

Командующему было присвоено звание генерала армии.

Приход Дмитрия Тимофеевича на должность командующего Дальневосточным округом по времени почти совпал с началом в нашей стране перестройки. Ставший еще в 1980 году кандидатом в члены ЦК КПСС, генерал армии, правда, о большой политике не думал. И у истоков перестройки не стоял. В апреле 1985 г. на бескрайних просторах Дальнего Востока он мотался по частям округа, забираясь в самые отдаленные и забытые богом гарнизоны. Приезд командующего подчиненные ждали с тревогой и надеждой. Тревожились за имеющиеся недостатки в боевой подготовке, в воспитании людей, в организации быта. Командующий, зная военную службу до тонкостей, учинял разнос командирам всех рангов за малейшие упущения. Особенно доставалось тем, кто не проявлял должной заботы о подчиненных. Уже в апреле-мае он проверял ход подготовки к следующей зиме. Внимательно осматривал котельные, столовые, казармы, склады. Сибиряк, он прекрасно знал суровый характер дальневосточного климата и по-сибирски основательно готовил округ к действиям в экстремальных природных условиях.

Его постоянным требованием было: все, что положено по нормам довольствия, солдату отдавать сполна.

Но, опасаясь крутого характера Д. Язова, офицеры в то же время твердо знали — командующий всегда поможет и советом, и делом. Зачастую после посещения им дальних гарнизонов в них появлялись начальники служб округа для оказания помощи на местах, направлялись необходимые материальные ресурсы.

Бурные события 1985—1986 гг. до Дальневосточного военного округа докатывались несколько приглушенно, воспринимались менее остро, чем в Москве или Ленинграде.

Прибывая в Москву на сессии Верховного Совета, Пленумы ЦК партии, совещания, Язов с некоторым скептицизмом смотрел на генералов и офицеров центрального аппарата Министерства обороны, внутренних военных округов. Что, дескать, суетятся, чем таким особенным взволнованы? Своим округом он гордился. Воинов-дальневосточников любил по-отцовски. Ратной науке учил их, невзирая ни на какие веяния в верхах, капитально. Так, как делал это всегда. Хотя не видеть в армии все обостряющихся проблем не мог.

Избрание М. С. Горбачева в апреле 1985 г. Генеральным секретарем ЦК КПСС генерал Язов воспринял с надеждой. Смерть в течение двух лет трех лидеров государства и нескольких членов Политбюро вызвала в народе весьма скептическое чувство. Не случайно расхожими стали анекдоты и изречения о «пятилетке пышных похорон», о том, что «велика Россия, а выбирать некого» и т. п. Военная среда реагировала лишь саркастической усмешкой, когда немощного и умирающего К. У. Черненко величали Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами СССР.

С приходом к руководству страной молодого и энергичного М. С. Горбачева офицерский корпус связывал свои чаяния на радикальные перемены, и Язов не был здесь исключением. Проблем к 1985 году в армии накопилось немало, причем проблемы носили разноплановый характер. Во-первых, социально-бытовое положение военнослужащих оставляло желать много лучшего. Росло из года в год число бесквартирных офицеров, удорожание стоимости жизни не компенсировалось ростом денежного содержания, медленно улучшался быт солдат, несмотря на постоянный рост военного бюджета. Гонка вооружений и достигнутый военно-стратегический паритет дорого обходились не только гражданскому населению СССР, но и личному составу армии. Осваивая новей-

шие, воплощавшие в себе самые передовые научные и технологические достижения комплексы и системы, люди нищали. Ракеты, подводные лодки, танки, сложнейшие системы противоракетной обороны и космос съедали львиную долю оборонного бюджета, оставляя на содержание вооруженных сил буквально крохи.

Кроме того, характер военно-служебных отношений оставался по-прежнему консервативным. Основной военный закон «О всеобщей воинской обязанности» 1967 года по сути дела был лишь несколько усовершенствованной моделью закона 1939 года. Под стать ему были и воинские уставы. В офицерской среде процветал протекционизм и чиноугодничество. В солдатские казармы проникли лагерные нравы, маскируемые под неуставные взаимоотношения.

Командующий войсками ДВО надеялся, что с приходом нового Генсека улучшится положение дел в стране, а, значит, и положение люда военного. Его горячие симпатии вызвала речь М. С. Горбачева на встрече с ветеранами Великой Отечественной войны 5 мая 1985 года, теплые слова благодарности тем, кто выстоял в схватке с фашизмом, кто приблизил нашу победу, приглашение ветеранам активнее участвовать в идейно-нравственной закалке молодежи. Но особую поддержку у Д. Т. Язова встретила фраза, сказанная Генеральным секретарем о том, что «ЦК КПСС, советское правительство ни на йоту не поступятся безопасностью нашего государства, будут делать все, чтобы никто не нарушил мирную жизнь советских людей».

Три дня спустя на приеме в Кремле в честь участников праздничного парада М. С. Горбачев добавил: «Думаю, все, кто видел этот парад, еще раз убедились: у Страны Советов надежные защитники».

Д. Т. Язову, ветерану войны, целиком посвятившему себя делу безопасности Отечества, такая позиция нового лидера страны добавила сил, энергии и уверенности. Военный совет Дальневосточного военного округа также единодушно поддержал линию нового руководства.

Было бы, однако, ошибочным принимать Дмитрия Тимофеевича за пассивного исполнителя чужой воли, тем более спрятавшегося от ветров перемен где-то на краю российской земли. Вовсе нет. Вряд ли в будущем Горбачев получил бы в лице Язова надежного (хотя и временного) союзника, если бы идеи обновления не имели отклика в душе командующего ДВО.

10 июля 1986 года состоялся партийный актив ДВО, на котором с докладом выступил Д. Т. Язов. Как информи-

ровала «Красная звезда», он честно критиковал недостатки в округе, которым сам командовал. Он утверждал, что многие коллективы проявляли пассивность и оказались неспособными по-новому решать поставленные задачи. Более того, они частенько преувеличивали свои достижения и скрывали недостатки. Слишком уж много надежд возлагалось на бумаготворчество и формальный подход в отношениях с подчиненными.

Так как это происходило в то время, когда большинство высшего командного состава отвергало разговоры о перестройке, высказывания Язова явно выделяли его. Вряд ли они прошли и мимо внимания Горбачева, конечно же, искавшего союзников в армейской среде.

Возможность познакомиться лично им выпала очень скоро.

В июле 1986 года состоялась поездка Генерального секретаря ЦК КПСС на Дальний Восток. В ходе ее была организована встреча Горбачева с командованием округа. Вероятно, Генсек уже тогда «положил глаз» на Язова. А уж то, что генерал армии после той встречи подпитался уверенностью в правильности своей линии, несомненно. Преобразованиям в округе было придано новое дыхание.

В январе 1987 года «Красная звезда» направила в ДВО корреспондента, чтобы дать читателям представление об изменениях, происшедших в округе за шесть месяцев, минувших после посещения Горбачева. В этой статье Язов был представлен образцовым командующим, который готов выйти в поле со своими войсками, который знает их и их проблемы и оценки которого отличаются прямотой и объективностью. Статья утверждала, что во время его встречи с Горбачевым Язов сказал Генеральному секретарю: «Дисциплина в округе до сих пор не улучшилась, а в отдельных соединениях и подразделениях даже ухудшилась», приведя при этом точные цифры. Сотни офицеров и десятки генералов были свидетелями обмена мнениями. В округе этот разговор назвали не иначе, как «уроком правды».

В статье отмечалась важность первых положительных результатов усилий командующего: офицеры стали проводить больше времени в войсках, более точно докладывали о недостатках. Обозначилось сокращение нарушений дисциплины, повысился уровень боевой подготовки. Все это, конечно же, звучало сладкой музыкой для ушей Горбачева, когда, казалось, большинство высшего командного состава противодействовало перестройке. И если Генсек действительно присматривался к Язову как воз-

можному кандидату на выдвижение, то теперь он мог убедиться в правильности своего выбора.

В феврале 1987 года Дмитрию Тимофеевичу вновь «засветила» Москва. Уходя в группу Генеральных инспекторов (в народе прозванную райской группой), заместитель министра обороны по кадрам генерал армии Иван Шкадов предложил своим преемником Дмитрия Язова. У членов Коллегии Министерства обороны и в ЦК партии кандидатура сомнений не вызывала.

Передав командование Дальневосточным военным округом своему начальнику штаба генерал-лейтенанту Михаилу Моисееву, теперь уже бывший командующий убыл в Москву. Приняв дела заместителя министра обороны по кадрам, он сразу же внес свежую струю в работу кадровых органов. Первое, что сделал в течение недели, — резко «подтянул» дисциплину, исполнительность и организованность. Во-вторых, строго предупредил своих заместителей, начальников управлений о том, чтобы не допускали протекционизма. «Всех уличенных в протекции буду увольнять беспощадно, — заявил он на одном из первых совещаний. И добавил: — За основу представления к назначению, присвоению воинских званий брать только деловые, моральные качества и... возраст».

Дело в том, что в центральном аппарате работали свыше 30 процентов офицеров и генералов, выслуживших установленные сроки службы. Причем многим из них было за 60 и даже за 70 лет. Поэтому замминистра начал омоложение с кадровых органов.

И еще одна черта проявилась в деятельности Д. Т. Язова — он был доступен для людей, обивавших пороги ведомств в попытках разрешить свои вопросы, восстановить справедливость.

Разбираясь с кадровым составом Вооруженных Сил, новый замминистра выявил и то, что тысячи генералов и офицеров не служили в Министерстве обороны, а числились в Совмине СССР, различных министерствах, научных учреждениях, партийных органах. Язов представил министру обороны записку, получил «добро» и начал действовать. Но в этом направлении достичь ощутимых результатов не удалось — сложившаяся система оказалась достаточно прочной и разрушить ее было непросто.

О принципах, которые отстаивал новый начальник ГУКа, некоторое представление дает его доклад 15 мая 1987 года на заседании Коллегии Министерства. Докладывая об итогах аттестования офицеров, Язов не скрывал, что в Вооруженных Силах не обеспечен поворот к конкретному человеку. Иные начальники идут даже на выдвижение

недостойных офицеров на вышестоящие должности, только бы не работать с ними.

«Крайне опасным, — предупреждал начальник ГУКа, — продолжает оставаться снижение значения в службе моральных стимулов, рост протекционизма, потребительства и приспособленчества. При этом отличительным свойством этих негативных явлений предстает цепкость и адаптированность к различным мерам, которые принимаются к их искоренению».

Язов не был бы Язовым, если бы тут же не предложил пути решения кадровых вопросов. Характерно, что акцент он сделал на гласность и демократизм, не очень «модных» тогда в Вооруженных Силах. Он предложил создать постоянно действующие аттестационные комиссии, на предварительной стадии решения привлекать к рассмотрению кандидатур максимально широкий круг лиц. Начальник ГУКа предложил оценивать кадры по их отношению к перестройке, по реальным результатам в ее осуществлении. Вряд ли все это понравилось тогдашним членам Коллегии.

Деятельность Дмитрия Тимофеевича на посту главы кадровых структур военного ведомства была известна М. С. Горбачеву, и не только из официальных источников, но и от своего младшего брата, работавшего в Главном управлении кадров МО СССР на скромной должности, в звании подполковника. Эта деятельность импонировала политическому лидеру страны, в Язове он видел своего единомышленника.

ТРИНАДЦАТЫЙ МИНИСТР ОБОРОНЫ СССР

...Тяжело поднялся из кресла, вновь стал мерить шагами кабинет. Как же так, ведь не врали доклады: рейтинг Горбачева действительно давно упал, о неспособности Президента остановить нарастание кризисных процессов в обществе говорили и с парламентской трибуны, и в очередях за самым необходимым. Так почему же не поддержали их — членов ГКЧП, попытавшихся осуществить то, что у всех было на языке? Почему? Почему пошли за Ельциным? В подсознании вертелась мысль, что на защиту Белого дома встали прежде всего представители нарождающегося класса предпринимателей, те, кому «засветила» легкая жизнь, большие деньги. Но только ли в этом дело?

Присел за стол, подвинув лист бумаги, попробовал набросать несколько мыслей. Может, плохо объяснили свои цели людям, и те не уловили существенной разницы

между прежней линией Горбачева и курсом нового руководства? А может, народ, не желающий Горбачева, не хочет видеть в качестве «рулевых» и Янаева, Павлова?.. И его, Язова?..

В раздражении смял лист, швырнул его в корзину. Интуиция, беспокоившая накануне «акции», его не подвела. Все последние перед 19 августа дни, а особенно ночи — мучили сомнения. Днем проще — захватывала текучка. Вечером, вернувшись домой, стремился шутками приободрить искалеченную в недавней автомобильной катастрофе Эмму Евгеньевну, за ужином обменивался с женой житейскими проблемами. Просмотрев вечерние газеты, отправлялся спать.

И здесь начиналось самое неприятное. Сон не шел. В голову лезли тревожные мысли. Думал ли, допускал ли, что когда-нибудь придет такое время, что он, министр обороны, выступит против своего Верховного Главнокомандующего, политика, бездействие которого все больше и больше заводило страну в тупик?

Если бы ему нечто подобное сказали в 1987 году, он бы счел это за злую шутку. Тот год был его годом, и гороскоп благоволил к нему. Он стал министром обороны, правда... тринадцатым по счету в 70-летней советской истории. «Несчастливое» число оказалось в конце концов роковым...

* * *

Вероятно, мало кто из неизбалованных тогда гласностью советских людей сразу обратил внимание на сообщение ТАСС, появившееся в газетах 30 мая 1987 года. Вытесненная с первых полос огромным снимком советской делегации, участвовавшей в берлинском совещании Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора (в нее входил и министр обороны С. Л. Соколов), и текстами принятых там документов, «тассовка» была набрана мелким шрифтом и состояла всего из нескольких десятков слов. Как выяснилось позднее, ее размеры явно не соответствовали тем огромным последствиям, которые вызвала содержавшаяся там информация: «28 мая 1987 г. днем в районе города Кохтла-Ярве воздушное пространство Советского Союза нарушил легкомоторный спортивный самолет, пилотируемый гражданином ФРГ М. Рустом.

Полет самолета над территорией СССР не был пресечен, и он совершил посадку в Москве.

По данному факту компетентными органами ведется расследование».

Информация и впрямь была огромной разрушительной силы. Советские люди не без основания восприняли несанкционированный перелет Руста как пощечину национальному достоинству. Можно было тысячу раз говорить о Матиасе Русте как воздушном хулигане, квалифицировать его поступок как тщательно спланированную антисоветскую акцию. Но уйти от ответа, почему дали осуществить эту акцию, куда, проще говоря, смотрели отвечающие за противовоздушную оборону страны и облеченные высоким доверием люди — было невозможно.

Отвечать надлежало первым лицам — именно так встал вопрос на заседании политбюро ЦК КПСС 30 мая. Из информации ТАСС советские люди узнали немногое. За халатность и неорганизованность в пресечении полета самолета-нарушителя, отсутствие должного контроля за действиями Войск ПВО от должности главнокомандующего был освобожден Главный маршал авиации А. И. Колдунов. «Принято решение об укреплении руководства Министерства обороны СССР», — говорилось далее в информации. Эта короткая фраза, ничего конкретно не говорившая непосвященным, как оказалось, означала для Д. Т. Язова подъем на самую верхнюю ступеньку в военной иерархии.

Когда, пожелав успехов восточным немцам в социалистическом строительстве и поклявшись в вечной дружбе с ГДР, М. С. Горбачев вернулся в Москву и назначил то самое заседание Политбюро, Министром обороны было поручено начальнику Главного управления кадров подготовить справки и характеристики на генералов и офицеров, виновных в беспрепятственном пролете «Цессны-172», а также на возможных преемников для замены руководящего состава войск ПВО. К вечеру 29 мая все необходимые материалы были готовы, в 21.30 Д. Т. Язов убыл домой. Однако ночью ему передали, что нужно позвонить по «кремлевке» Министру обороны СССР. На квартире правительственного аппарата не было, и Д. Т. Язов в 3 часа ночи прибыл в служебный кабинет. Маршал С. Л. Соколов был на работе, готовился к заседанию Политбюро. У него в кабинете находился начальник Генерального штаба маршал С. Ф. Ахромеев. Именно он сообщил Д. Т. Язову, что его приглашают на заседание Политбюро ЦК КПСС. «На всякий случай имей данные на должностных лиц главкомата ПВО», — добавил Сергей Федорович. Д. Т. Язов коротко ответил: «Есть» и принялся за изучение подготовленных ему документов.

Заседание Политбюро было назначено в Кремле на 10.00 утра. Военные деловито развешивали схемы, карты. Маршал С. Л. Соколов, министр обороны и кандидат в члены Политбюро ЦК, давал указания, куда что повесить. В приемной находились начальник Генерального штаба маршал С. Ф. Ахромеев, первые заместители министра обороны маршал В. Г. Куликов и генерал армии П. Г. Лушев, начальник ГлавПУРа генерал армии А. Д. Лизичев, заместители министра обороны: по вооружению — генерал армии В. М. Шабанов, по кадрам — генерал армии Д. Т. Язов. Естественно, здесь же был главком войск ПВО Главный маршал авиации А. И. Колдунов с группой генералов.

Почти все военачальники прибыли на заседание Политбюро с тяжелыми папками и напряженно изучали справочные материалы, подготовленные в течение ночи подчиненными. Исключение составлял лишь заместитель министра обороны по кадрам: оставив на столе небольшую служебную папку, он лишь изредка доставал из кармана записную книжку и заглядывал в нее на минуту-другую. В его поведении чувствовалась какая-то напряженность, да и держался он несколько особняком от других замов. Знал или нет генерал армии о предстоящем назначении — ответить может лишь он сам. Но то, что присутствующие в Приемной Генерального секретаря ЦК КПСС, в том числе и другие заместители министра обороны, об этом даже не подозревали — это однозначно.

Что ожидали от заседания Политбюро? Естественно, критики в адрес Министерства обороны, точнее не всего Министерства, а руководства войск ПВО и, возможно, Генерального штаба. С. Л. Соколов как кандидат в члены Политбюро от зубодробительной критики был, казалось, гарантирован: хулить своих принародно в тот период не полагалось. Предполагая даже самое худшее, поговаривали о возможности снятия с должности главкома Войск ПВО. Но, чтобы освободить от должности министра обороны, такого со времен Г. К. Жукова не было, хотя не менее тяжкие ЧП случались и раньше.

Так, в октябре 1955 г. подорвался на мине и затонул прямо в Севастопольской бухте линкор «Новороссийск». Несколько сотен человек стали жертвой катастрофы, однако с должности был снят лишь главком ВМФ. Министр обороны же остался на месте.

В октябре 1960 г. рванула на старте стратегическая ракета, оборвав жизнь десятков человек, в том числе главного маршала артиллерии М. И. Неделина. Вопрос о при-

влечении к ответственности министра обороны даже не ставился.

В феврале 1968 г. затонула приписанная к Тихоокеанскому флоту ракетная подводная лодка.

Ноябрь 1975 г. Большой противолодочный корабль «Сторожевой» под командованием замполита капитана 3 ранга В. Саблина покинул советские территориальные воды. Суд квалифицировал это как измену Родине. Маршал А. А. Гречко, тем не менее, как и прежде, продолжал руководить Вооруженными Силами.

Нашумевшая история со сбитым над Камчаткой южнокорейским самолетом «Боинг-747» в 1983 году также не привела к отставке министра обороны маршала Д. Ф. Устинова.

А если обратиться к более ранней истории, то перед нами предстанет еще более любопытная картина. В мае 1941 г. произошла почти аналогичная маю 1987 г. ситуация: немецкий четырехмоторный военно-транспортный «Юнкерс» также беспрепятственно пролетел от западной границы СССР до Москвы и приземлился на Центральном московском аэродроме. Сталин даже не наказал наркома обороны маршала Тимошенко. Не были смещены и руководители ПВО и ВВС.

Безусловно, случай с маленькой спортивной «Цессной», не повлекший ни одной человеческой жертвы и какого-либо ощутимого материального ущерба, не идет в сравнение с вышеперечисленными случаями и катастрофами, которые, кстати заметить, принесли не меньший урон и политическому престижу СССР. Но... Ситуация в стране была теперь иной, чем прежде.

... В 10.00 в зал заседаний вошел М. С. Горбачев, объявил повестку, сделал сообщение о случившемся. Особо он остановился на международном резонансе и уроне, нанесенном престижу страны, в заключение призвал придать исключительно серьезное значение обсуждаемому вопросу и сделать соответствующие выводы. Сложившееся в Министерстве обороны положение он расценил как нетерпимое. Откровенно говоря, столь крутого начала многие не ожидали.

Затем в зал были приглашены первые заместители министра обороны и начальник ГлавПУРа. Генерал армии П. Г. Лушев в течение 20 минут доложил хронологию и детали полета М. Руста и действий сил ПВО, причины непресечения полета, выводы и предложения. Последние касались некоторых организационных изменений в системе боевого дежурства противовоздушных сил и средств, ускорения разработки и производства некоторых видов

военной техники. В заключение было сказано о необходимости укрепления руководящих кадров Войск ПВО. Последовали вопросы к П. Г. Лушеву, С. Ф. Ахромееву. На несколько вопросов ответил министр обороны, ответил самокритично, уверенно и аргументированно.

После этого началось обсуждение за закрытыми дверьми, которое длилось около 1,5 часов. По окончании его отворилась дверь, и Н. В. Талызин пригласил: «Дмитрий Тимофеевич, пройдите в Ореховую комнату».

Рекомендовал Д. Т. Язова на пост министра обороны М. С. Горбачев. Вряд ли кто-то из членов Политбюро мог бы выступить против кандидатуры, представленной Генеральным секретарем ЦК. Тем не менее Михаил Сергеевич подробно рассказывал своим соратникам о положительных качествах претендента. Звучали эпитеты типа «принципиальный коммунист», «борец против протекционизма в армии», «сторонник очищения Министерства обороны от балласта». Конечно, учитывался и боевой опыт, и глубокие профессиональные знания, внимание к людям.

Правда, когда Горбачев проинформировал Язова о мнении Политбюро назначить его министром обороны, Дмитрий Тимофеевич попытался возразить. Мол, не готов к исполнению этой должности, так как не работал в Генштабе, не знает военной промышленности, не знаком с системой заказов вооружения и т. п. С. Л. Соколов сделал знак, чтобы не возражал и соглашался, а Горбачев, шутя, сказал: «Ничего, мы тебе лишние сутки дадим для вступления в должность». Члены Политбюро задали несколько вопросов общеполитического характера, поскольку армейские тонкости высшим руководителям партии и государства были не известны — подавляющее большинство из них не служили даже солдатами. Проголосовали за назначение единогласно. Дмитрий Тимофеевич заверил всех присутствующих, что не пожалеет ни сил, ни времени, чтобы оправдать высокое доверие.

Через 20 минут Язов вышел из Ореховой комнаты министром обороны СССР. Первым из военных его поздравил С. Л. Соколов. В тот же день в 16.00 член Политбюро ЦК КПСС Л. Н. Зайков и А. И. Лукьянов, секретарь ЦК КПСС, ведавший оборонными вопросами, представили, признаться, несколько опешившим членам Коллегии Министерства обороны, нового руководителя военного ведомства.

«Назначение Дмитрия Язова министром обороны 30 мая 1987 года... — читаем в изданной на Западе книге «Советское военное командование», — было полнейшей

неожиданнстью... Он даже не значился в западных списках возможных преемников Соколова!» Что ж, авторы книги, по всей видимости, недалеки от истины. По крайней мере, сам Дмитрий Тимофеевич, ставший, напомним, всего за четыре месяца до происшедшего заместителем министра обороны по кадрам, вероятнее всего, планировал на этой должности и завершить лет через пять-шесть свой служебный путь.

Правы ли, однако, люди, утверждающие, что Соколова «снял» не Горбачев, а Руст? Нет, думается, не правы. В день, когда произошел этот парадоксальный случай с «Цессной», маршал Соколов, напомним, находился вместе с М. С. Горбачевым в ГДР и чисто формально ответственности нести был не должен. За него в Москве оставался генерал армии Лушев, на месте находился и начальник Генерального штаба маршал Ахромеев, отвечающий за боевую готовность Вооруженных Сил. Но они оба остались на занимаемых должностях. Они, но не министр. Дерзкая посадка западного немца на Каменном мосту близ Кремля оказалась для Горбачева удобным поводом для смещения С. Л. Соколова. Министру шел 76 год, и он, по мнению Генерального секретаря, не очень подходил для задуманных перемен, хотя Язов, например, этой точки зрения не разделял. Сменой руководителя военного ведомства Горбачев надеялся пробить брешь в достаточно мощной оппозиции проводимому им «новому политическому мышлению», существовавшей в военных кругах.

Кстати, Сергей Леонидович и сам собирался поставить вопрос об уходе с чрезвычайно трудного поста министра обороны и искал лишь удобного случая. Прошедший все ступени армейской службы, вкусивший сполна войны, много сделавший для армии в послевоенное время, он достойно завершал свою карьеру.

Хаотичность перестройки, непродуманность и поспешность проводимых в стране мероприятий, нарастающие в Вооруженных Силах проблемы тяжело отражались на его духовном состоянии. Да и здоровье было положено на алтарь службы.

Политика ломки привычного, на которую решился лидер страны, естественно, должна была опираться на соответствующие кадры, коль скоро Горбачев надеялся на ее успех. Маршал Соколов, как ни крути, был человеком старой закваски. Сформировался и на высших должностях трудился он в годы «холодной войны» с ее идеями неизбежной конфронтации двух систем. Тогда, когда военное ведомство не знало отказа в выделении ассигнований на оборону, когда советская военная доктрина носила

ярко выраженный наступательный характер. «Если была потребность в офицере, который сможет управлять функционированием армии без катаклизмов, — характеризовали Сергея Леонидовича авторы уже упоминавшейся выше книги «Советское военное командование», — то Соколов был правильным выбором». Но катаклизмы нарастали, общественные процессы убыстрялись.

Для динамичной атмосферы перемен, утверждавшейся в стране с 1985 года, Соколов подходил мало. Не видели необходимости в коренной ломке военной сферы и многие члены Коллегии Министерства обороны. Их серьезно беспокоила линия на уступки американцам и явно наметившееся разрушение военно-стратегического паритета. Существенное обновление высшего командного состава Вооруженных Сил в условиях, когда был провозглашен переход от наступательной стратегии к стратегии оборонной достаточности, стало для М. С. Горбачева, таким образом, задачей дня. Выбор реформатора пал на Д. Т. Язова.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Новый министр обороны с первых дней дал понять, что отбывать номер не намерен, и за порученное дело взялся круто. «Перестройка стиля и методов работы, которой требует от нас партия, — заявил он на собрании партийного актива МО СССР 16 июля 1987 г., — пока еще по-настоящему не затронула командно-политические кадры, в том числе в центральном аппарате».

Определяя основные направления перестройки в Вооруженных Силах, на первое место Язов поставил повышение роли человеческого фактора, который в применении к армии и флоту, по его мнению, означал «в первую очередь повышение ответственности, профессиональной подготовленности и требовательности командно-политических кадров сверху донизу».

Министр повел речь также о демократизации армейской жизни и решительном повороте к людям, к живому делу. Говорил об этом от души, с присущей ему напористостью. Военные кадры — кто со страхом перед грядущими переменами, кто — с надеждой, но все вместе с одинаковой ясностью поняли: время ни к чему не обязывающих реверансов перестройке прошло. Требовались конкретные дела.

Урок правды, подобный тому, что имел место в бытность Язова командующим ДВО, был преподан в те дни и

в узком кругу — на заседании Коллегии 16 июня 1987 г., обсуждавшей выводы из «дела Руста». В своей критике министр не обошел ни один вид Вооруженных Сил, ни один орган военного управления. Происшедшее не случайность, отметил он, а закономерный результат накапливавшихся в Вооруженных Силах в течение длительного времени негативных явлений. Отсутствие объективного взгляда на состояние боевой готовности и дисциплины, организационная немощь, существенные упущения в кадровой политике и партийно-политической работе — все это было поставлено в вину руководству Министерства обороны, Генерального штаба, ГлавПУРа, главкоматов видов Вооруженных Сил.

Здесь же Д. Т. Язов сформулировал ближайшие задачи перестройки в ВС:

— совершенствование системы управления, включая существенное сокращение центрального аппарата;

— совершенствование оргструктуры по каждому виду ВС с учетом оборонительного характера нашей военной доктрины;

— совершенствование кадровой политики, придание ей социально-справедливого характера;

— решительный перелом в укреплении дисциплины и правопорядка.

Разумеется, в тот период говорить о какой-то законченной программе перестройки у Язова, а тем более о некоей концепции военной реформы не приходилось, срок пребывания в новой должности был слишком мал. Даже само понятие военной реформы появилось позже. Но уже в первых шагах нового министра ясно обозначились приоритеты — личность человека в погонах. По меткому замечанию зарубежных экспертов, в своих трудах за последние десять лет Язов рассматривал вопрос о воспитании нового, социалистического типа военнослужащего «с почти религиозным пылом». На свой высокий пост он, очевидно, «был избран главным образом благодаря его приверженности к опыту в решении вопросов, связанных с личностью военнослужащего. Конечно, Язов отличается от многих своих коллег-военачальников благодаря своему постоянному интересу к решению в большей степени проблем личности, чем проблем стратегии и доктрины».

Основываясь на собственных наблюдениях, могу заверить, что авторы недалеки здесь от истины. Если, к примеру, проанализировать деятельность двух предшествующих Д. Т. Язову коллег-министров обороны СССР Д. Ф. Устинова и С. Л. Соколова, то легко заметить, как

разнятся стиль их работы, точки сосредоточения основных усилий. Умудренный опытом работы на государственных постах, Д. Ф. Устинов (в свои 32 года в 1941 году он уже был наркомом вооружений) главным направлением своей деятельности избрал наращивание оборонного потенциала страны. Мир во многом обязан именно ему достижением военно-стратегического паритета, освоением космоса, созданием подвижных стратегических ракетных комплексов, советской многоразовой космической системы, решением других сложнейших военно-технических проблем. Являясь министром обороны, он практически возглавлял и военно-промышленный комплекс страны.

Маршал С. Л. Соколов, пришедший к руководству Министерством обороны в декабре 1984 года после смерти Д. Ф. Устинова, серьезно занялся вопросами боевой готовности, оперативной и боевой подготовки войск и штабов. Оборонная промышленность получила больше самостоятельности, но меньше поддержки.

Общим же и для Д. Ф. Устинова и для С. Л. Соколова было стремление к поддержанию паритета и состязательности в военной области со своими главными соперниками. Причем первый видел основной путь обеспечения безопасности и предотвращения войны в создании современного вооружения и наращивании его количества. Второй — в группировках войск, их ударной мощи, мобильности, боеспособности.

Д. Т. Язов, заступив на главный военный пост, с первых дней взялся за наведение в войсках порядка, воинской дисциплины, изжитие травматизма и гибели среди военнослужащих. Он постоянно держал в напряжении командующих, командиров, политработников.

И если Д. Ф. Устинов, работавший ежедневно допоздна, мог ночью или поздним вечером вызвать к телефону любого из конструкторов и директоров предприятий или министров оборонных отраслей, то Д. Т. Язов в 6 утра уже «терзал» военачальников, в чьих частях случалось происшествие.

Словом, Горбачев нашел в Язове человека, жаждущего перемен в армии и способного разрешить многие военные проблемы. К тому же в какой-то мере и преданного ему лично. Язов верил в генсека и его политику. Кроме того сказывалась чисто военная черта: привыкший всегда повиноваться старшим начальникам, министр обороны и Верховному Главнокомандующему повиновался беспрекословно.

Намечая главные точки приложения усилий, министр

не скрывал своих приоритетов ни от ближайшего окружения, ни от всего личного состава армии и флота. На первом же под своим председательством заседании Коллегии он поставил задачу уже до конца года сократить на 10 процентов численность центрального аппарата, а в 1988 году этот процесс продолжить. Сокращалась численность генеральских должностей, наводился порядок в системе прохождения службы офицерами, в запас и отставку увольнялись выслужившие установленные сроки, упорядочивалась замена офицеров, проходивших службу в отдаленных и льготных районах. То, чему военно-государственный истеблишмент препятствовал в бытность Язова главным кадровиком, Язов-министр осуществлял с завидной настойчивостью. Ставилась также задача переработать воинские уставы, завершить разработку нового Положения о Министерстве обороны.

События показали, что это не было данью скоротечной моде. Умевший ставить задачи, министр умел и спрашивать, добиваться выполнения приказов и принятых решений.

Вспоминается, как решалась судьба малоэффективных научно-исследовательских учреждений. Основательно изучив вопрос, рассмотрев его на заседании Коллегии, где вскрылись слабая связь работы многих НИУ с потребностями войск, их непростительно низкий реальный вклад в развитие военной теории, создание новых систем вооружения, Язов дал указание упразднить такие учреждения, а оставшиеся, где возможно, перевести на условия экономического стимулирования. Когда один из его замов вступился за сокращаемый по численности коллектив, министр твердо отрезал: «Смотри, будешь упорствовать — совсем закроем».

Кстати, решая задачу омоложения кадров, министр обороны не обошел стороной и своих заместителей. Невзирая на былые заслуги, ходатайства высокопоставленных лиц из ЦК партии, государственных органов и даже из стран Варшавского Договора, он твердо проводил намеченную линию. Говорил прямо в глаза: «Ты что, до ста лет служить собираешься?». Но уходящих с поста провожал торжественно, тепло, принародно. Об освобожденных от должности своих заместителях никогда не отзывался худо.

Вместо себя на должность заместителя министра обороны по кадрам представил бравого, очень грамотного и отзывчивого к людям генерала армии Д. С. Сухорукова — командующего воздушно-десантными войсками.

Остаток 1987 г. никого не трогал, присматривался. Но в

1988 году проводил в Группу генеральных инспекторов заместителя по тылу Маршала Советского Союза С. К. Куркоткина, заместителя по строительству и расквартированию войск маршала Н. Ф. Шестопалова. Вместо них были назначены более молодые, энергичные генералы Архипов В. М. и Чеков Н. В.

В декабре 1988 г. советником М. С. Горбачева был утвержден Маршал Советского Союза С. Ф. Ахромеев, занимавший до этого должность начальника Генерального штаба.

Генеральный штаб неожиданно возглавил 49-летний генерал М. А. Моисеев, менее двух лет покомандовавший Дальневосточным военным округом после Д. Т. Язова. При этом «за бортом» остался генерал В. Н. Лобов, специально назначенный С. Л. Соколовым первым заместителем начальника Генерального штаба с перспективой возглавить Генштаб после С. Ф. Ахромеева, о чем не скрывая сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС при утверждении В. Лобова.

1989 год. Кадровый год Д. Т. Язов начал с освобождения от должности первого заместителя министра обороны СССР — главнокомандующего Объединенными Вооруженными Силами государств — участников Варшавского Договора Маршала Советского Союза В. Г. Куликова и главнокомандующего Сухопутными войсками генерала армии Е. Ф. Ивановского.

В 1990 году смена замов планомерно продолжалась. Оставили свои посты зам. по вооружению генерал армии В. М. Шабанов, зам. по кадрам Д. С. Сухоруков (попросился сам после перенесенного инфаркта), главком ВВС маршал авиации А. Н. Ефимов. 13 июля 1990 года в должность главкома ВВС вступил Е. И. Шапошников. Был заменен и начальник ГлавПУРа генерал армии А. Д. Лизичев.

Итого за два года деятельности Д. Т. Язова на посту министра обороны сменились семь его заместителей. Аналогичная картина наблюдалась во всех эшелонах командного и политического состава армии и флота. Свою кадровую линию Д. Т. Язов держал твердо.

М. С. Горбачев этой линией был удовлетворен: вновь назначаемые генералы если и не поддерживали внешнеполитический курс руководства СССР на неадекватные сокращения вооружений и вооруженных сил, то, во всяком случае, не выступали открыто против него. Это давало М. С. Горбачеву и Э. А. Шеварднадзе дополнительный шанс на проведение политики уступок западным партнерам по всем параметрам переговорных процессов.

Д. Т. Язову, в свою очередь, предоставлялась возмож-

ность предъявлять повышенную требовательность к своим новым заместителям, командующим, начальникам Главных и центральных управлений — все они были моложе его по возрасту и ниже в воинском звании.

После мая прошло всего три месяца, а по приказу Дмитрия Тимофеевича начала реализовываться программа сокращения численности и совершенствования структуры центрального аппарата. «Приказали долго жить» более 20 управлений, почти 300 отделов, упразднялось более 230 генеральских должностей.

В разгар лета Язов выносит на Коллегию вопрос о подготовке казарменно-жилого фонда и инженерных сетей к зиме в Дальневосточном военном округе и на Тихоокеанском флоте. Сам немало послуживший в тех суровых краях, он хорошо знал цену народной предусмотрительности: «готовь летом сани». Спрос предъявлялся строгий, формулировки следовали суровые. Но и помощь округу и флоту оказывалась значительная.

Как фронтовик, министр знал цену политической, воспитательной работе. Но знал он и то, что даже самые горячие призывы, самые проникновенные слова не мобилизуют личный состав, если слаб «тыл». Долго «колдовал» он над справкой, подготовленной по его приказу в Главном квартирно-эксплуатационном управлении Министерства обороны. И сделал неутешительный вывод: отсутствие жилья — наиболее сложная социальная проблема в Вооруженных Силах. Шутка сказать: на 1 января 1988 года в квартирах нуждалось без малого 215 тысяч семей. Московский, Киевский, Прикарпатский, Прибалтийский военные округа, Черноморский флот — здесь положение сложилось особенно тяжелое.

Усилий вроде предпринимается немало, размышлял министр, а число бесквартирных за целую пятилетку не сократилось. Почти 9 тысяч квартир задолжали местные Советы. Постоянно люди увольняются в запас, утрачивают трудовую связь с Министерством обороны, а отселять их из закрытых и обособленных городков некуда. И безусый лейтенант, и поседевший полковник в лучшем случае снимают чужой угол. А в худшем?

Язов приказал создать комиссию под руководством своего первого заместителя генерала армии П. Г. Лушева для разработки проекта программы жилищного строительства на 1988—2000 годы. Сегодня он, возможно, вызовет кое у кого ироническую улыбку: как же, собирались выполнять «программу века» — к 2000 году каждой семье дать отдельную квартиру.

Тогда скептически не улыбались, считали дело вполне

реальным, хотя исключительно напряженным. Рассчитали, например, что если вводить в строй в 13—14 пятилетках примерно по 750 тыс. квартир, то уже к 1992 году жилищная проблема будет практически снята в Среднеазиатском, Дальневосточном, Туркестанском округах, на Северном, Балтийском флотах. А если добиться возврата долгов и текущего предоставления в полном объеме жилплощади от местных Советов... А если исключить нарушения социальной справедливости при предоставлении квартир...

Нет, что бы сегодня ни говорили, те планы не были прекраснодушными мечтаниями. Программа, направленная в правительство, опиралась на реальную базу, подкреплялась тщательными расчетами. И если бы не прогрессировавшая разбалансированность экономики страны, вряд ли у кого-нибудь были сегодня основания иронизировать над теми замыслами руководства Вооруженных Сил и министра обороны.

Приблизив Д. Т. Язова к себе, Горбачев на некоторое время приобрел мощного союзника и в своей внешней политике. Этому способствовало и избрание Дмитрия Тимофеевича в июле 1987 года кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. С благословения генсека, он, таким образом, вошел в узкий круг лиц, которым принадлежало последнее слово при решении любого вопроса во внутренней и внешней политике.

Вскоре после одного из заседаний Политбюро ЦК КПСС новый руководитель военного ведомства заявил руководству Вооруженных Сил: «Будем сокращать армию. Ведь не можем же мы держать группировку на случай войны против всего остального мира».

Генеральный штаб приступил к разработке программы сокращения. Но давалось это непросто. Сказывалась многолетняя школа — считать военный потенциал вероятного противника на Западе, Востоке, Юге и противопоставлять ему свои группировки сил и средств. Причем многие генералы и маршалы настойчиво доказывали необходимость поддержания военного паритета, а одностороннее сокращение в кулуарах называли предательством интересов Союза и Варшавского Договора. Серьезную поддержку такой позиции оказывал военно-промышленный комплекс страны.

К чести Д. Т. Язова, он не поддался давлению «военной оппозиции». Более того, на заседаниях Коллегии и совещаниях настойчиво проводил линию на сокращение Вооруженных Сил, разъяснял причины, прежде всего,

экономические, вызывающие необходимость разоруженческих процессов.

Очевидно, надеясь на поддержку Язова, Горбачев без решения Верховного Совета СССР и даже без согласия его комитетов 7 декабря 1988 г. заявил в ООН об одностороннем сокращении Советских Вооруженных Сил на 500 тыс. человек. Парламентарии, попросту говоря, получили щелчок по носу. Попытки некоторых из них возмутиться на сессии Верховного Совета потонули в потоке славословия и поддержки в адрес Горбачева со стороны западных и наших демократических деятелей и средств массовой информации. И как всегда ранее, в стороне от этого процесса остались руководители союзных республик, узнав о такой масштабной акции из телепрограммы «Время».

Торжествовал МИД, для него это была серьезная победа в многолетней войне, равная выигрышу армией стратегического сражения. А Министерство обороны было в этом отношении поставлено перед фактом. Никто с военными не советовался, никаких расчетов — за счет кого сокращать, в какие сроки — не делалось. Типичный волюнтаризм, как сказали бы в 60-е годы. Поэтому в Минобороны инициатива Горбачева была встречена, мягко говоря, сдержанно. Предстояло уволить с военной службы около 100 тыс. офицеров, большая часть из которых не имела права на пенсию, многие не имели жилья. Решать эти проблемы предстояло не Горбачеву и Шеварднадзе, а Язову.

Тем не менее линию на сокращение Вооруженных Сил он проводил твердо, со свойственной ему солдатской прямотой.

Казалось бы, вполне логично связать с приходом Д. Т. Язова на пост министра обороны СССР и ускорение переговорных процессов по другим проблемам. Но и здесь Горбачев и К° явно злоупотребляли лояльностью министра обороны, осуществляя на него серьезный нажим через Политбюро. 8 декабря 1987 года в Вашингтоне Генеральный секретарь ЦК КПСС и Президент Соединенных штатов Америки поставили свои подписи под Договором между СССР и США о ликвидации ракет средней дальности. Согласно Договору, уничтожению подлежали наряду с устаревшими типами РСД (Р-12, Р-14) и уникальные подвижные комплексы РСД-10 (СС-20), воплотившие в себе высшие достижения отечественной конструкторской мысли и не имеющие аналогов за рубежом. Именно они вызывали наисерьезнейшую озабоченность европей-

ских партнеров США из-за сложности наблюдения за их перемещением, высокой точности и большой досягаемости. Попутно «отдали», а по сути подарили американцам и другой новейший комплекс меньшей дальности ОТР-23 (СС-23), ловко обойдя присутствовавшего на переговорах маршала С. Ф. Ахромеева, да и число подлежащих уничтожению советских ракет значительно превосходило число американских.

Это был тяжелый удар для ракетчиков. Главный конструктор уникального СС-20 А. Д. Надирадзе, не выдержав его, вскоре скончался в отнюдь не преклонном возрасте. Генеральный штаб напрягся, изыскивая возможности для затыкания дыр, возникших в результате снятия целей с запланированных к уничтожению ракет.

Веского слова министру обороны здесь сказать не удалось. Почему? Некоторые генералы от армии и ВПК связывали это со слабым знанием Д. Т. Язовым ракетных проблем. Он прекрасно знал технику Сухопутных войск, но по стратегическим ракетным комплексам имел лишь самое общее представление. Возможно, это обстоятельство сыграло какую-то роль, но отнюдь не решающую. Решающее слово осталось за политиками. Военным отводилась роль исполнителей. А политики уверовали в будущий союз с США, который должен принести благоденствие пораженному тяжелой экономической болезнью СССР. Тем более все объявляемые лидером Союза проекты не претворялись в жизнь, а государство твердой поступью шло к экономическому кризису и политическому хаосу.

В ряду первых, приписываемых М. С. Горбачеву крупных политических удач, особое место занимает решение о выводе ограниченного контингента советских войск из Афганистана. Невозможность достижения военной победы стала очевидной, а регулярное поступление в СССР гробов из 40-й армии являлось сильным общественным раздражителем. В стране возникло достаточно мощное движение матерей, требующее прекратить участие сыновей в афганской войне. Оппозиционные КПСС силы активно разыгрывали афганскую карту в политической борьбе. Трещавшая по швам экономика не успевала удовлетворять потребности войск, ведущих боевые действия, а Минфин с трудом изыскивал миллиарды рублей для финансирования этой кампании. В международном плане участие советских войск в гражданской войне внутри суверенного государства наносило серьезный урон престижу СССР, затрудняло продвижение советских ини-

циатив. Единственным выходом из ситуации оставалось возвращение 40-й армии в Союз.

Постановление ЦК КПСС обязывало Д. Т. Язова осуществить вывод войск в период с 15 мая 1988 г. по 15 февраля 1989 г. Прошло менее года, как он стал министром обороны, и теперь ему предстояло осуществление операции, за которой внимательно следил весь мир. С особой тревогой и надеждой ждали матери возвращения своих сыновей на родную землю.

Д. Т. Язов, чувствуя свою ответственность перед матерями и советским народом, сделал все возможное, чтобы организованно и, главное, без потерь вывести «сороковую» из Афганистана. От Генерального штаба, командования ТуркВО он требовал разработки конкретных планов организации марша, всестороннего его обеспечения, четкого руководства и контроля. «Планировать и продумывать вывод каждого солдата» — таково было его требование.

Организовав подготовку в Москве, министр прилетел в Кабул, своим опытом, интуицией и властью помог командованию армии разработать план возвращения войск на родину.

В соответствии с его директивой от 7 апреля 1988 г. войска выводились колоннами в составе не менее усиленного батальона. В направлении вывода были задействованы все виды войсковой и агентурной разведки с целью выявления намерений моджахедов, обещавших устроить «кровавую баню» соединениям и частям 40-й армии. Для сопровождения колонн создавалось сильное охранение. Вдоль маршрутов образовывались режимные зоны, для их охраны привлекались афганские подразделения.

Политорганы развернули работу по воспитанию бдительности, соблюдению мер безопасности.

Для обеспечения «своевременного и организованного вывода» министр образовал оперативные группы в Министерстве обороны во главе с маршалом С. Ф. Ахромеевым, в Кабуле — во главе с генералом армии В. И. Варенниковым, в районе границы с Афганистаном — во главе с командующим войсками округа. Там же, на границе, действовала и оперативная группа Генерального штаба. Да и весь Генеральный штаб и штаб Сухопутных войск работали в режиме повышенной боевой готовности.

Министр обороны каждые 4 часа требовал доклада о движении колонн, а в случае их обстрела или иных происшествий — немедленного, независимо от того, находился он в кабинете или на даче. В ночное время телефон на да-

че звонил до десятка раз. До двух-трех часов ночи не ложился спать — все на телефонах.

Все прибывающие на территорию СССР колонны встречали представители военного командования, родственники военнослужащих, представители местных органов власти. Каждому воину от министра обороны был вручен именной подарок — за мужество и героизм, проявленные при выполнении интернационального долга.

В январе 1989 года Д. Т. Язов вновь прибыл в Кабул. Ознакомился с действиями войск на завершающем этапе их вывода. Обсудил с афганским руководством проблемы, остающиеся после ухода 40-й армии, совместно наметили основы для дальнейшего военного сотрудничества. Афганские руководители настаивали на оставлении хотя бы небольшого контингента советских военнослужащих. Язов однозначно ответил отказом. На просьбу вице-президента ДРА М. Рафи обеспечить охрану и сопровождение колонн, доставляющих грузы из СССР по маршруту Хайратон — Кабул, заявил: «Советские люди ждут своих сыновей домой, поэтому мы оставлять никого не будем».

Последние подразделения советских войск пересекли советско-афганскую границу утром 15 февраля 1989 г. На высоком склоне близ Термеза еще накануне собрались родственники наших солдат и офицеров. Ждали сыновей, братьев, мужей, любимых, ждали с прямо-таки религиозной верой в то, что их, уцелевших за многие месяцы боев, минует пуля или осколок в эти последние часы выхода. Ждали, верили...

Верил, все возможное сделал для того, чтобы без жертв обошелся выход ОКСВ из Афганистана и Д. Т. Язов. Его жена, Эмма Евгеньевна, вспоминает, как не сомкнул глаз в ту ночь министр обороны. Время от времени ночную тишину взрывали телефонные доклады. Скупая улыбка освещала лицо маршала: без потерь пройден еще один рубеж. Но иногда давала о себе знать «крестьянская косточка»: крепкие слова раздавались в адрес Наджибуллы, до последнего стоявшего против вывода советских войск.

...«Сороковая» вышла из Афганистана точно в срок и без потерь. Последним по мосту, соединяющему два сопредельных государства, прошел командующий «сороковой» генерал Б. Громов, завершив с последним шагом по мосту свой воинский подвиг. В Кабуле остался завершать военные дела и оказывать помощь афганским властям генерал армии В. Варенников.

ПРОБИВАЮТСЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ РОСТКИ

Страна между тем стремительно политизировалась. Резко, с огромными перехлестами — «по-советски» — стартовала гласность. Люди открывали «Огонек», «Московские новости» — и дух захватывало, мурашки по спине ползли от разоблачений прошлого и настоящего. Преступления Сталина и «кремлевско-узбекской мафии», наша действительная миссия в Афганистане и промысел вдруг обнаруженных в отечественных пределах «ночных бабочек» — все больше ранее напрочь закрытых тем становились предметом гласности. Начиная перестройку, ее «отцы» уповали на активизацию «человеческого фактора». Медленно, но все же разжимались тиски командно-административной системы. В обществе стали пробиваться ростки демократизма, заговорили о формировании в СССР правового государства.

Отношение Д. Т. Язова к демократизации общества было сложным и далеко не однозначным. С одной стороны, он чувствовал необходимость перемен в обществе. Но в то же время в нем прочно сидела многолетняя убежденность в преимуществе нашего общественно-государственного строя, советского образа жизни. Беда, по его убеждению, состояла не в порочности самой системы, а в отсутствии эффективного руководства, твердости управления происходящими процессами.

Кстати, Д. Т. Язов не был каким-то исключением в вопросах о будущем устройстве СССР. Это сейчас появилось много борцов за капитализацию, рыночные отношения, приватизацию и т. д. В 1987 году все ныне здравствующие политики, включая Б. Н. Ельцина, боялись слова «капитализм» и в своих речах и программах убеждали в необходимости реформирования социализма. Общественное сознание развивалось постепенно. Постепенно формировалось и мировоззрение личностей. Другое дело, что у одних, прежде всего не облеченных властью и ответственностью, процесс был более ускоренным. У Язова же понимание происходящих радикальных преобразований нарастало медленно.

И причина здесь не только в консерватизме мышления. Ни Политбюро ЦК КПСС, ни съезд народных депутатов СССР, ни другие органы власти и управления, а также нарождающиеся политические партии и течения не имели конкретной модели будущего общества, программного перехода к нему. Не было таких программ и у М. С. Горбачева. К сожалению, отсутствие четких концеп-

ций и комплексных программ вообще стало характерным признаком всего перестроечного периода.

В сознании министра обороны такой подход к переустройству громадной страны вызывал по крайней мере недоумение. Окончивший две академии, имевший богатейший опыт проведения крупных мероприятий, он был приучен к организации любого процесса, будь то учение, бой, операция или нечто подобное. Уяснение полученной задачи, всесторонняя оценка обстановки, выработка замысла, принятие решения, постановка задач (приказ), организация взаимодействия и твердое управление — вот те классические принципы военного управления, которые идут от Эпаминонда и которые закладываются в каждого командира еще с первых курсов военного училища, углубляются в военных академиях, совершенствуются войсковой практикой.

Любопытно, что в оценке хода выдвинутой М. С. Горбачевым идеи перестройки можно увидеть близость позиций Б. Н. Ельцина и Д. Т. Язова, хотя взаимной симпатии они друг к другу не питали. На октябрьском (1987 года) Пленуме ЦК КПСС, пытаясь как-то аргументировать свой наделавший шума и сыгравший на популярность шаг, Ельцин говорил именно о том, что нет «продуманной концепции перестройки», не обозначены приоритетные направления. Да и в последующей опальной деятельности будущий лидер России использовал неоднократно этот тезис, критикуя своего главного оппонента.

Д. Т. Язов публично подобных мыслей не выражал, но это проскальзывало и у него, правда, как бы между строк.

Характерным для его стиля деятельности было: любое абстрактное решение Политбюро или Пленума ЦК КПСС, постановление Верховного Совета или Правительства СССР обсудить и в части касающейся Вооруженных Сил облечь в конкретные нормативные формы.

Вот несколько тому примеров. Постановление ЦК КПСС от 12 июня 1987 года «О нарушении воздушного пространства СССР». Уже 16 июня 1987 года было вынесено на обсуждение Коллегии Министерства обороны. В указаниях только что назначенного министра прозвучали четкие команды:

— до 1 октября 1987 г. переработать Положение о Министерстве обороны и к 15 октября представить в ЦК КПСС;

— до 1 июля 1987 г. вместо многочисленных приказов по вопросам воинской дисциплины разработать один, с подробным определением обязанностей всех должностных лиц;

— до 25 июля 1987 г. вынести на рассмотрение Коллегии проекты новых общевоинских уставов;

— к 1 августа 1987 года в каждом виде Вооруженных Сил иметь утвержденное Генеральным штабом Положение о боевом дежурстве.

Контроль за реализацией отданных указаний был возложен на Генштаб.

Дотошный маршал С. Ф. Ахромеев исполнение указаний министра обороны взял на личный контроль.

Во исполнение упомянутого постановления ЦК 28 августа 1987 г. Коллегия рассмотрела вопрос о совершенствовании структуры центрального аппарата Министерства обороны. Результат обсуждения — приказ, закрепляющий сокращение работников на 3 тыс. человек, укрупнение подразделений, отказ от ненужных функций, повышение ответственности за конечный результат.

27 ноября 1987 г. на Коллегии обсуждается вопрос о выполнении постановления ЦК КПСС от 12 июня 1987 г. по вопросам укрепления воинской дисциплины, порядка, исполнительности в Забайкальском военном округе.

В промежутках между коллегиями министр обороны проводит совещания, подписывает приказы, директивы и все во исполнение все того же Постановления ЦК.

Примерно таким же образом отреагировал министр обороны на состоявшийся в начале 1988 года Пленум ЦК КПСС, рассмотревший вопросы перестройки кадровой политики.

Со всей серьезностью на заседании Коллегии, на которую были приглашены командующие войсками округов (флотами), было проанализировано состояние работы с кадрами в Вооруженных Силах.

Характерны некоторые высказывания Д. Т. Язова на этом заседании:

— не все руководители усвоили уроки правды;

— целое поколение офицеров воспитано на обмане, очковтирательстве, протекционизме;

— многие офицеры «оторвались» от подчиненных, проявляют чванство, грубость к ним;

— единоначалие — основной принцип в деятельности кадров Вооруженных Сил, но это не означает, что командир решает все вопросы единолично;

— обеспечить поворот к солдату, его нуждам. Солдаты — это народ. Солдат — главная фигура в армии. Духовная близость командира к подчиненному.

В заключение — четкие команды что к какому сроку исполнить.

И последний (чтобы не утомлять читателя) пример подобного рода.

На 19 Всесоюзной конференции КПСС прозвучал тезис о создании в СССР правового государства. В стране это было воспринято примерно так же, как и заявления о построении социализма, коммунизма или об успешном выполнении очередного пятилетнего плана движения к счастливому будущему. Д. Т. Язов принял решение конференции как руководство к действию. Приказал юридической службе Министерства обороны доложить, какой должна быть армия в правовом государстве и что необходимо предпринять для реализации решения партии в Вооруженных Силах. Юристы разработали совокупность признаков армии правового государства и предложения по проведению в армии правовой реформы как составной части реформы военной. Д. Т. Язов согласился с предложениями юристов, но высказал сомнение в необходимости большого количества законов по вопросам обороны. Пришлось доказывать министру обороны, что сфера обороны и ныне регулируется нормативно-правовыми актами более строго, чем любая другая. Но «регуляторами» являются более 5,5 тыс. постановлений Политбюро ЦК КПСС, ЦК КПСС, ЦК КПСС и Совмина СССР и т. д., которые с провозглашением многопартийности утратят свою силу. Министр обороны с доводами почти согласился. Зная слабость Д. Т. Язова к отечественной истории, юристы в качестве аргумента привели изречение М. И. Кутузова: «Горе земле, в которой подчиненные, начальники и суды, а не законы управляют гражданами и делами. Всякий из них считает себя мудрецом в высшей степени, и от сего у семи нянек дитя без глазу».

Дмитрий Тимофеевич удивился, что великий полководец России не только добывал победы своему Отечеству на полях сражений, но и глубоко задумывался над правовыми основами устройства государства российского.

В своем очередном интервью средствам массовой информации министр обороны заявил: «В правовом государстве должна быть правовая армия». В войска за подписью Д. Т. Язова ушло «Наставление по правовой работе в Советской Армии и Военно-Морском Флоте». На обсуждение Коллегии Министерства обороны был вынесен вопрос «о юридическом всеобуче в Вооруженных Силах». Итог обсуждения — приказ министра обороны, который вместо ряда тем политических занятий предписывал всем категориям военнослужащих изучать советские законы. Одновременно расширялся курс «военного права» и основ военного законодательства в военно-учебных

заведениях, ставились задачи по повышению правовой культуры командных кадров, изжитию правового нигилизма.

Радикальное развитие получила юридическая служба Министерства обороны: впервые в истории русской армии командиры соединений получали помощника по правовой работе в лице офицера юридической службы.

31 августа 1990 г. Верховный Совет СССР ратифицировал Женевские конвенции 1949 г. и дополнительные протоколы к ним, именуемые как законы и обычаи войны. Министр обороны СССР объявил их своим приказом и ввел руководство по применению их в войсках и силах флота. Перед этим долго и тщательно разбирался сам с объявляемыми нормами международного гуманитарного права. Затем приказал провести сборы руководящего состава Вооруженных Сил с приглашением иностранных специалистов. Представители Международного института гуманитарного права и Международного комитета Красного Креста, прибывшие читать лекции советским военачальникам, признавались, что приглашение выступить перед столь высокой военной аудиторией явилось для них сенсацией.

Но нужно знать Язова: если он брался за какую-то проблему, то решал ее фундаментально. Это было, пожалуй, главной чертой его стиля работы, сформировавшегося в процессе всей предшествовавшей военной службы.

Есть расхожая теория, суть которой в том, что человек как личность формируется в возрасте с 20 до 30 лет. В последующем одни черты характера развиваются, другие притупляются, но стержень личности сохраняется. При ближайшем рассмотрении оказывается, что ничего удивительного в сходстве образа мыслей военного Язова и сугубо штатского Ельцина нет. Когда формировались их главные черты характера, оба были командирами: один в армейской среде, другой — в сфере строительства. И здесь и там бесплановость, волюнтаризм, нетвердость управления одинаково чреваты развалом.

Михаил Горбачев до 30 лет был активным комсомольским вожаком со всеми вытекающими последствиями: без конкретной самостоятельной программы действий (партия говорит — надо, комсомол отвечает — есть), и как следствие — без конкретной ответственности за конкретные дела.

Кстати, сходство Ельцина и Язова не заканчивается только течением мыслей. Оно просматривается и в практических действиях: Борис Ельцин совершил свой путч в октябре 1987-го, Дмитрий Язов последовал ему четыре

года спустя. Обоих подтолкнула к тому линия поведения Михаила Горбачева.

Не имея четкой стратегической программы, глубоких научных обоснований затевавшихся перемен, руководство страны шарахалось из стороны в сторону, съезжая постоянно из стратегической колеи на мелкодорожные частности. Обострение ситуации в стране, колебания почвы под ногами М. С. Горбачев пытался парировать различного рода аппаратными играми, выдвижением новых лозунгов. На большее его команда оказалось неспособна, поскольку она состояла в основном из людей отнюдь не стратегического уровня. У руководителя команды не хватило смелости сменить ее.

Поэтому тот бессистемный подход в политике, экономике, военном строительстве, который предлагался руководством страны, в Министерстве обороны воспринимался с определенной долей настороженности. Не случайно на одном из съездов народных депутатов СССР генерал-полковник А. Макашов предложил Президенту СССР пройти курс обучения в Академии Генерального штаба, что, правда, было воспринято как злая и неуместная шутка. Но А. Макашов не имел в виду просто поставить «под ружье» первого Президента СССР. Думается, что в мыслях у командующего войсками округа было следующее:

— Президент как Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами должен знать основы военного строительства и стратегии, структуру армии и флота, их задачи, принципы руководства ими, представлять себе повседневную деятельность войск и сил флота;

— как глава государства Президент обязан усвоить принципы управления масштабными процессами.

Именно это он мог получить в Академии Генерального штаба, но этим не воспользовался.

Однако вернемся к Д. Т. Язову. В условиях демократизации страны логическая схема его деятельности по отношению к армии выглядела примерно так: повысить требовательность к себе и к подчиненным, сосредоточить усилия на главных направлениях — укреплении воинской дисциплины на всех уровнях и повышении боеготовности, установить жесткий контроль за исполнением приказов и распоряжений, решительно освобождаться от слабовольных, неисполнительных командиров и начальников. Робко проявляющиеся в военной среде ростки демократических начал решительно пресекались.

И все же, хотя и медленно, Язов приближался к пониманию необходимости реформирования военного орга-

низма СССР, приведению его в соответствие с требованиями происходящих в стране процессов. Первым «демократическим» шагом стала подготовка по его указанию Положения о офицерских собраниях. Такие собрания, хорошо известные в старой, дореволюционной армии, в наши дни рассматривались бы как постоянно действовавшие общественные организации. Предполагалось, что они будут вырабатывать предложения для командования по подбору кандидатов на учебу, в загранкомандировки, регулировать бытовые и нравственные конфликты в офицерской среде, сплачивать коллективы.

Характерен, однако, эпизод, возникший на заседании Коллегии Министерства, где рассматривался проект. Предстояло ответить: избирать или назначать председателя Офицерского собрания? Председатель собрания «не избирается, а является таковым по своему служебному положению командир» — на этой формулировке настаивали маршал С. Ф. Ахромеев, генералы армии Д. С. Сухоруков и М. И. Сорокин. К ней склонялся и министр обороны. Пойти до конца, довериться самостоятельному выбору офицеров — на это ни Язов, ни его ближайшие сподвижники не решились. Демократия еще трудно сочеталась с единоначалием.

ВОЕННАЯ РЕФОРМА НАЗРЕЛА

В 1988 году все чаще в средствах массовой информации стал дискутироваться и вопрос о военной реформе. Сначала в Министерстве обороны попросту от него отмахивались, как от назойливой мухи. Скептически к такой информации относился и министр обороны. Затем, когда этот вопрос стала поднимать армейская общественность, собрал небольшое по составу совещание и стал опрашивать своих подчиненных, что такое глубокая военная реформа, каково ее содержание и т. д. Начальник Генерального штаба, заместители министра обороны убежденно говорили, что реформа, по сути дела, уже идет. Содержание ее заключается в сокращении Вооруженных Сил, реализации Договора об ограничении стратегических вооружений, переходе в военном строительстве на качественные параметры. На этом и порешили. Указание министра обороны сводилось примерно к следующему: все сказанное изложить на бумаге и направить М. С. Горбачеву.

Но требования провести реформу военного организма государства приобретали все более организованный характер, достигли трибуны съезда народных депутатов, Верховного Совета СССР.

Здание Министерства обороны начали пикетировать солдатские матери, требуя или изменить условия службы сыновей, или вернуть их домой. Игнорировать набиравший обороты процесс уже было опасно.

Министр обороны в конце 1988 года отдал распоряжение готовить концепцию военной реформы. Институт военной истории по требованию министра подготовил ему справочный материал по военным реформам России от Ивана Грозного до настоящих дней. Бегло просмотрев историю преобразований в военной области времен Ивана IV и Петра I, Д. Т. Язов внимательно стал вчитываться в опыт военных реформ 1860—1870 гг., проведенных под руководством военного министра России Д. А. Милютина. (Кстати заметить, что «почитать» Д. А. Милютина он не раз рекомендовал своим заместителям). Если судить по рабочим заметкам на исторической справке, особый интерес для Д. Т. Язова представляли вопросы взаимозависимости состава и численности армии и экономического потенциала государства.

Милютин проанализировал состояние экономики России и сделал вывод, что дальнейшее содержание огромной армии будет губительно для народа. Поэтому было предложено, значительно сократив численность войск, организовать систему массовой подготовки резервов. Нечто подобное, только во сто крат более сложное, предстояло совершить и Дмитрию Язову.

Реформы 1905—1912 гг. и даже 1924—1925 гг. особого внимания не привлекли. Милютинские преобразования были более близкими по духу.

В начале 1989 г. Генеральный штаб представил концепцию развития Вооруженных Сил до 2000 года. В ее основе лежало сокращение войск, сил флота и органов управления и совершенствование организационной структуры. Обсудив на совещании представленный проект, Министерство обороны внесло его в Верховный Совет, назвав концепцией военной реформы.

В представленном проекте содержался следующий постулат: суммарным итогом военной реформы должны стать, во-первых, эффективное, ориентированное на разумную достаточность и безусловный приоритет качественных параметров оборонное строительство и, во-вторых, преобразованные Вооруженные Силы, полностью соответствующие оборонительной военной доктрине, органично вписанные в новую систему международной безопасности и способные обеспечить достаточную и надежную защиту СССР.

Ядром военной реформы рассматривалась реформа

Вооруженных Сил. Последняя предполагала: 1) оптимизацию организационно-штатной структуры, состава и численности армии и флота, военно-технической политики, 2) освоение вытекающих из оборонительной доктрины стратегии, оперативного искусства и тактики, 3) совершенствование системы подготовки военных кадров и комплектования ВС, 4) преобразование системы партийно-политической работы, 5) создание эффективной системы социальных гарантий военнослужащих и демократизацию всей военной организации общества.

Реформирования таких масштабов после 1924—1928 гг. Советская Армия еще не знала. И, разумеется, далеко не все и не сразу удалось реализовать. По указанию министра обороны военные юристы разработали комплексную систему военного законодательства. В ее основу легли проекты трех законов: «Об обороне», «О всеобщей воинской обязанности и военной службе», «О статусе военнослужащего». Они, как и блок других законодательных актов, должны были создать правовую основу военной реформы.

Дважды выносились проекты на рассмотрение Коллегии министерства, но оба раза полного одобрения не получили: слишком много в них было радикально нового. Особенно бурно реагировали заместители министра на демократизм в военно-служебных отношениях, законодательное закрепление прав и свобод военнослужащих. А статью о запрещении деятельности в Вооруженных Силах политических партий (в том числе и КПСС) поддержал лишь маршал С. Ф. Ахромеев, бывший уже в ту пору советником М. С. Горбачева.

К мнению С. Ф. Ахромеева в то время прислушивались и как к авторитету военному и как к лицу, близко стоявшему к главе СССР. Никто его не мог упрекнуть в излишнем демократизме. Но когда он вышел к трибуне и заявил, что он, старый коммунист, преданный идеям КПСС, видит необратимость процесса департизации армии, зал притих.

Д. Т. Язов, в принципе, не возразил против такого подхода, но просил не форсировать этот процесс. ГлавПУР твердо стоял на своем — допустить департизацию армии ни в коем случае нельзя, как и нельзя допускать проникновения в ее среду представителей других партий.

Исключительно трудно воспринимались идеи делегировать республикам более широкие права в области военного строительства, выработки и проведения военной политики, осуществления призыва граждан на военную

службу, контроля за деятельностью Министерства обороны СССР.

Большинство членов Коллегии стояло на старых позициях: не подпускать республики к организации совместной обороны, все должно решаться в центре.

Министр обороны, уловив тенденцию в развитии политических процессов, попытался «довернуть» мышление членов Коллегии репликой: «Теперь не мы (центр. — Авт.) делегируем им права, а они нам». Но с ним не согласились. Да и самому ему точно так же не хотелось уступать полномочия нарождающимся оборонным структурам на местах: он больше всего боялся развала сложившейся военной организации, растаскивания армии по национальным квартирам.

Но улавливал он и другое: если сейчас не пойти на некоторые изменения сложившегося положения и не закрепить их законами, развитие получат стихийные, неуправляемые процессы. Развал Вооруженных Сил и создание национальных армий неизбежно приведут к распаду СССР, возникновению масштабных вооруженных конфликтов. Не допустить подобного развития событий Д. Т. Язов считал своим долгом.

Прежде всего он попытался с позиций историзма разобраться в причинах кризиса армии. Сохранились по этому поводу его записки в рабочем блокноте. Его ли это мысли или результат коллективного обсуждения — знает, видимо, лишь сам автор. Мы же приводим их в несколько обобщенном виде. Итак, разрушение армии началось:

— когда многие партийные и иные руководящие работники стали избегать службы в армии и потворствовать в этом своим детям;

— когда высшее руководство страны всенародно назвало армию «кормушкой для генералов и офицеров»;

— когда стали превращать ее в бесплатную рабочую силу, затыкая солдатом и офицером народнохозяйственные дыры;

— когда расцвели протекционизм, карьеризм, семейственность и пр.;

— когда в армию проникли лагерные нравы.

И далее: «демократическая пресса, радио и телевидение, шельмуя армию, завершают ее целенаправленный развал».

Нужно отдать должное автору этих заметок: корни разрушения военного организма государства подмечены верно, хотя их набор, наверное, гораздо шире. Тем не менее, размышления над проблемами обороны Союза

СССР заставляли министра обороны искать не только причины кризисных явлений, но и пути их преодоления. Одному министру обороны это было явно не под силу, требовалась поддержка со стороны руководства страны, парламента, общества. Нужно было также и понимание необходимости коренного реформирования военных структур и в самом Министерстве обороны. Но, увы, этого не было. Даже подчиненные Д. Т. Язова большей частью выражали сомнения в необходимости радикальных, по их мнению, законодательных актов, якобы подрывающих основы единоначалия и партийного руководства военным строительством.

Не получив «добро» от Коллегии, министр обороны самолично засел за проекты законов, досконально разобрался в каждой статье и направил Президенту СССР для внесения в парламент. Но свидетелем и творцом военной реформы Д. Язову стать не привелось. Парламентариев страны одолевали те же сомнения, что и членов Коллегии Министерства обороны.

Постепенно у Д. Т. Язова начали складываться отношения со средствами массовой информации. А предшествовала этому кампания, развязанная против армии, ее командного состава. Попытки оградиться от критики с помощью М. С. Горбачева провалились: последний на обращения министра обороны реагировал лишь сочувствием. И тогда Язов пошел сам завоевывать на свою и армии сторону «четвертую» власть. Он уверенно чувствовал себя в самой злой корреспондентской компании, мог довольно удачно парировать любой, «с подвохом» заданный вопрос. Журналисты в свою очередь потянулись к нему. В отличие от других военных высокого ранга Д. Т. Язов отвечал конкретно, емко и достаточно откровенно. На интервью министра обороны образовалась очередь.

Одновременно налаживались контакты с литераторами, пишущими на военную тему. Они стали желанными гостями в Министерстве обороны, регулярно встречались с министром, им организовывались показы военной техники, выезды в войска.

Даже пожить в солдатской среде довелось многим из них, когда Дмитрий Тимофеевич ради познания пишущей братией реального воинского быта поселил их в Кантемировской дивизии.

Удалось наладить контакты с рядом общественных движений, с народными депутатами СССР.

Вместе с тем те, кто остро и особенно необъективно критиковали порядки в Вооруженных Силах, для Язова были противниками. Но командиров и начальников, жа-

ловавшихся на необъективность критики, отрезвлял вопросом: «А что, у тебя все благополучно?» — и рекомендовал пригласить корреспондентов и доказать обратное написанному.

ВИЗИТ В США

Вскоре после назначения Д. Т. Язова министром обороны СССР Генеральный секретарь ЦК КПСС пригласил его для обстоятельной беседы по вопросам разоружения, установления и развития контактов с военными кругами стран НАТО и, прежде всего, с руководством военного ведомства США. Д. Т. Язов, ранее крайне редко выезжавший за рубеж и с настороженностью относившийся к контактам со своим вероятным противником, заставил переломить себя и по-новому взглянуть на проблемы обеспечения безопасности государства.

В его памяти отложилась прочитанная несколько лет назад формула Декарта: «Чтобы найти истину, каждый должен хоть раз в жизни освободиться от усвоенных им представлений и совершенно заново построить систему своих взглядов». Ранее он не раз декларировал ее своим подчиненным. Теперь же извлек это изречение из памяти и попытался применить его по отношению к себе. Сделать это было непросто, потому что непросто отбросить убеждения, сформировавшиеся за почти полувековой срок военной службы и почти такой же период состояния в рядах КПСС. И все эти годы настойчиво навязывался тезис о злейшем враге в лице империализма и, прежде всего, американского, а образ главного военного противника отождествлялся с американской военной машиной. Тем не менее, Д. Т. Язову удалось по многим вопросам переубедить себя.

После обстоятельной беседы с М. С. Горбачевым он приказал готовить предложения по расширению контактов с армиями зарубежных стран. И уже в 1988 году сам подал пример, совершив визиты в Швейцарию, ГДР, Польшу, Индию, Болгарию, Чехословакию, Югославию. Таким же плотным оказался и 1989 год: Сирия, Чехословакия, Великобритания, Австрия, Венгрия. И в этом же году состоялся его главный визит.

В период с 1 по 6 октября 1989 г. впервые в истории советско-американских отношений министр обороны СССР посетил с официальным визитом Соединенные Штаты Америки.

Сам факт визита говорил о прорыве много лет прочно стоявших рубежей «холодной» войны. Попытки прорвать

их предпринимались и ранее, но безуспешно. Еще в 1978 году во время подписания в Вене Договора об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-2) американский министр обороны Браун официально пригласил советского министра Д. Ф. Устинова посетить США. Это приглашение стало предметом серьезного обсуждения в советском руководстве. В конечном итоге возобладала точка зрения, что делать этого не следует. В качестве одного из доводов нецелесообразности визита говорилось, что поездка на Американский континент уронит престиж СССР и не будет понята советской общественностью. Пригласить же министра обороны США в СССР тоже не хватило духу — нужно было поддерживать образ врага.

И вот, наконец, через 10 лет этот барьер преодолен. Несколько ранее состоялась встреча двух министров на нейтральной территории — в Швейцарии. На почве обмена визитами завязалась личная дружба начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР маршала Ахромеева с Председателем Комитета начальников штабов США адмиралом У. Крау.

Теперь два главных вероятных противника встречаются на американской земле... Американцы обставили встречу на высшем уровне, сделав исключение из установленных протоколом правил. На военном аэродроме главу советской военной делегации встречал лично министр обороны США Р. Чейни со своими заместителями. Советский министр был принят Президентом США Дж. Бушем и госсекретарем. Ему была предоставлена возможность встретиться с американскими законодателями в Конгрессе Соединенных Штатов, выступить в Университете национальной обороны.

Американские военные показали делегации СССР военно-морскую базу в Сан-Диего, военно-воздушную базу, продемонстрировали новейшую военную технику, действия личного состава, в том числе учения подразделений 82-й воздушно-десантной дивизии. Особого впечатления они, правда, не произвели — были неудачи с десантированием бронетанковой техники, некоторая несогласованность личного состава. По завершении учения десантников в Форт-Брэгге Д. Т. Язов спросил члена советской делегации генерал-лейтенанта В. Ачалова — командующего Воздушно-десантными войсками, как он оценивает действия 82 вдд. Тот ответил: «За подобную подготовку и показ учения Вы бы сняли меня с должности». Министр обороны СССР удовлетворенно улыбнулся: советских десантников он по-отечески любил. И не только за их действия на учениях и занятиях. Подразделения Воз-

душно-десантных войск первыми принимали участие в локализации межнациональных конфликтов, по многу месяцев безропотно несли службу по разъединению враждующих сторон в отрыве от пунктов постоянной дислокации, вне казарм, без семей и без каких бы то ни было бытовых удобств. Десантники были предметом гордости министра обороны.

Позавидовал советский министр уровню социальной защищенности американских военнослужащих. У Чейни не было таких проблем и забот, как у его советского коллеги. Министерство обороны США не строит себе жилья, казарм, объектов — все это делают фирмы «под ключ».

Денежное довольствие американских военнослужащих не идет ни в какое сравнение с нищенским жалованьем советских офицеров. Д. Т. Язов даже в шутку сказал: «Мне бы получку американского солдата», — и пояснил, что рядовой армии США получает от 700 до 2000 долларов в месяц. Министр обороны СССР получал в то время менее 2 тыс. рублей.

В целом результатами визита в США Д. Т. Язов был доволен, несмотря на то, что достичь каких-то конкретных договоренностей не удалось — американцы стремились уходить от обсуждения серьезных проблем. Их главной целью было установление духа взаимопонимания и открытости между военными кругами США и СССР. Эта цель была достигнута. Министр обороны СССР после одобрения итогов визита М. С. Горбачевым дал указания Генеральному штабу разработать план расширения контактов с вооруженными силами США и изучить американский опыт военного строительства.

В этой поездке по США, как и в ходе других зарубежных визитов, Д. Т. Язов всегда на первое место ставил интересы СССР. В беседах с людьми любого ранга он настойчиво и весьма аргументированно убеждал собеседников в правильности советской внешней политики, в необходимости поддержания военно-стратегического паритета. Подчеркивая необходимость советской военной мощи, в то же время стремился к установлению духа взаимопонимания и доверия друг к другу. В военных кругах США отмечали высокий профессионализм Д. Т. Язова, глубокое знание военного дела. Он был нелегким партнером по переговорам, но отношение к нему со стороны американцев было весьма уважительное. Вот как в октябре 1990 г. отзывался о Д. Т. Язове министр обороны США Ричард Чейни: «И я, и моя жена находились под глубоким впечатлением от общения с этим человеком. Министр Язов — это человек с большим военным, профессиональ-

ным опытом и знаниями, человек, который предан своему народу и государству. Он участник второй мировой войны, а мы, представители моего поколения, можем многому научиться у людей того поколения, которое представляет министр Язов.

У нас с ним сложились хорошие профессиональные и личные взаимоотношения».

ЧЕРЕЗ ГОРНИЛО ПАРЛАМЕНТА

3 июля 1989 года на первой сессии Верховного Совета СССР формировался состав союзного правительства. Н. И. Рыжков по согласованию с М. С. Горбачевым внес предложение утвердить министром обороны Д. Т. Язова. При рассмотрении кандидатуры в комитетах парламента серьезных проблем не возникло. Но во время слушаний на Верховном Совете пришлось поволноваться. Если первый раз, в 1987 г., он предстал перед одиннадцатью членами Политбюро, то 3 июля 1989 г. он стоял перед 434 народными избранниками, многие из которых дотошно докапывались до всего негативного в армии. А благодаря телевидению он стоял перед всей страной.

«Когда такое было возможно? — отозвалась на это воистину беспрецедентное в советской истории событие газета «Известия». — Руководитель военного ведомства, которое в нашем сознании сопряжено с понятием тайны, скрытости, гласно отвечал на вопросы депутатов».

Накануне Язов серьезно готовился к предстоящему экзамену. Проанализировал состояние Вооруженных Сил, заложил в свою уникальную память тысячи различных данных.

Вышел на трибуну Верховного Совета без «шпаргалок». Председательствовавший на заседании М. С. Горбачев уверенно произнес: «Теперь мы, товарищи, договорились с Вами рассмотреть вопрос о назначении на должность министра обороны СССР. Предложение внесено, предлагается товарищ Язов Дмитрий Тимофеевич. Комитет по вопросам обороны и государственной безопасности рекомендовал назначить товарища Язова на эту должность».

Кратко, без характеристики и агитации.

Дмитрий Тимофеевич сделал небольшое вступление и стал отвечать на многочисленные вопросы, поступившие в письменном виде из зала. Отвечал спокойно, оперируя точными цифровыми данными, фактами, принятыми решениями. Но депутаты, казалось, остались глухи к дово-

дам кандидата. Исключение сделали лишь по отношению к разоруженческим проблемам. Зал притих, когда Д. Т. Язов отвечал на вопрос: «Соответствует ли наше решение по сокращению расходов на оборону данному конкретному моменту, состоянию напряженности в мире вообще?» «Я считаю, соответствует, — заявил он. — Ведь можно в конце концов иметь горы оружия, и можно стать пленником этого оружия». И далее последовал пример, как можно стать таковым: «...Мы уничтожаем вместе с ракетами средней и меньшей дальности 3 тыс. ядерных боеголовок. По договору, переговоры по которому продолжаются, мы должны, если договоримся, сократить на 50 процентов стратегические наступательные вооружения, то есть еще должны сократить 6 тыс. ядерных боеголовок... Если учесть, что ядерная боеголовка служит 10 лет, то, значит, через каждые 10 лет надо их менять. Значит, каждый год надо делать 900 ядерных боеголовок».

Похоже, подобные разъяснения удовлетворили депутатов и эту тему они не затрагивали. Но зато обрушился шквал вопросов с мест о «дедовщине», гибели военнослужащих, увольнении студентов со службы, расходовании бюджета, социально-бытовых условиях офицеров, военной реформе.

Кандидат сделал попытку приглушить остроту вопросов и даже обвинить некоторых депутатов и средства массовой информации в искажении действительности. И сделал это зря. Он знал, что положение в армии хуже, чем это представляла себе общественность. Но честь мундира сыграла злую шутку. В выступлениях депутатов Генчева, Подзирука, Тутова, Калашникова, Олекаса, Медведева, Киселевой, Адвадзе и других зазвучала острая критика в адрес Министерства обороны и его руководителя и призывы голосовать против назначения Д. Т. Язова на пост министра. Возникла опасность того, что кандидат может не пройти.

И тогда в бой ввязались главные силы в лице председательствующего — М. С. Горбачева. В своей пространной речи он попытался сгладить острые углы. Покритиковал Дмитрия Тимофеевича за невыдержанность, поговорил об объективных трудностях, бездействии Совета обороны, ближе к концу выступления стал подхваливать министра обороны за его решительность, твердость, понимание политической ситуации. «Я верю в возможности товарища Язова... Я прямо скажу, товарищ Язов занимает прогрессивные позиции», — заключил Председатель

Верховного Совета и призвал проголосовать за утверждение. 256 депутатов проголосовало «за», 77 — «против».

Выбор, на наш взгляд, был верен, что министр обороны доказал последующей деятельностью. Наиболее ярко его организаторский талант проявлялся в экстремальных ситуациях. К таковым можно отнести ликвидацию последствий землетрясения в Армении, введение чрезвычайного положения в Азербайджане, организацию вывода войск из Афганистана, Венгрии, Чехословакии. Умел он в кратчайшие сроки, а иногда и мгновенно, оценить обстановку, принять решение, закрутить на его выполнение все военные организмы и твердо управлять и контролировать ход работ и действий. Умел вычленить из множества проблем главные, из массы возможных путей реализации решения — оптимальные, из большого числа исполнителей — наиболее надежных. Он был способен спрессовать время, все личное отодвинуть на третий план.

Особенно выпукло это проявилось в Армении в декабре 1989 г. Д. Т. Язов входил в состав Государственной комиссии по ликвидации последствий землетрясения. Беду, постигшую армянский народ, он воспринял как свою собственную. К талантливому армянскому народу относился с глубоким уважением. Со свойственной ему решительностью и энергией взялся за решение возложенных на Вооруженные Силы задач. Ежедневно в 6 утра прибывал в штаб. Заслушивал доклады о ходе ликвидационных работ, поступлении грузов. Поднимал с постели должностных лиц в Москве, четко и коротко отдавал распоряжения.

В 7.00 вылетал в Спитак, Ленинакан, Пушкино. Прямо с вертолета направлялся к местам разрушений. Успокаивал пострадавших, приободрял солдат и офицеров, работавших на растаскивании завалов, уточнял задачи. И — вновь на облет мест разрушений. Объехал все воинские части и гарнизоны, оказавшиеся в зоне землетрясения.

Решения, соответствующие складывающейся ситуации, принимал мгновенно. Поднимал в воздух самолеты военно-транспортной авиации, перебрасывал в Армению необходимые грузы, специалистов, вытаскивал из Москвы своих заместителей.

Сопровождавшая Д. Т. Язова команда к исходу дня валилась с ног, питались не более двух раз в сутки: в 5 утра и после полуночи. Но 65-летний министр всегда был бодр. И еще одна деталь того периода: в ходе бесед с людьми неизменно подчеркивал роль и внимание М. С. Горбачева к ликвидации последствий.

Так было.

РАЗОЧАРОВАНИЕ

...Часы в кабинете — тяжелые, напольные — пробили полночь. Смежил веки, но какой, к черту, сон.

Минут через 20 в форме вновь вошел в кабинет. Молча постоял у рабочего стола, руками опершись на спинку кресла, сделал несколько шагов вперед, остановился. Ни к кому не обращаясь, произнес: «Вмазался, ввязался в авантюру». И через несколько секунд: «Я жизнь прожил честно. Служил, как совесть велела. Пахал от зари до зари».

Зазвонила «кремлевка». Снял трубку и бросил короткое «слушаю». Кто-то просил разогнать толпу у Белого дома. Приказал ничего не предпринимать. Молча сел в кресло. Через несколько минут вновь звонок по тому же телефону. Кивком головы дал знак порученцу снять трубку. Невидимый абонент в чем-то настойчиво убеждал. В ответ твердое: «Я пацанов против пьяной толпы посылать не буду». И затем добавил: «Я сказал все».

Вновь ушел в комнату отдыха, снял галстук, расстегнул воротник рубашки, полулежа в кресле, попытался задремать. Сон не шел. Мысли, как пчелиный рой, вихрились в мозгу. Неужели конец, и нет выхода? Настойчиво пробивалась и мысль об ответственности. Что его ждет? Отставка — это однозначно, а что еще? Разжалование? Тоже возможно. Об аресте старался не думать. Да и за что? Никакой выгоды для себя он в введении чрезвычайного положения не усматривал. Хотелось помочь людям избежать катастрофического кризиса, поправить дела в разваливающейся стране. Иных помыслов не было. Именно для этого предпринял определенные действия. Ввел войска в столицу для предотвращения возможного кровопролития, стрелять команду не давал, жертв по докладу командующего нет (о ловушке, в которую под мостом попали БМП, и пролившейся на Садовом кольце крови он еще не знал). На звонок по ВЧ поднялся, но, сделав шаг к телефону, говорить не стал. А на звонок из «Комсомольской правды» ответить согласился. Корреспондент спрашивал, будут ли штурмовать Белый дом? Заявил: «Нет, не будут».

И вновь попытка уснуть, и вновь неудача. Стал, двигаясь по кабинету, вслух объяснять причины своего поступка: Союз разваливается, и предлагаемый проект Союзного договора тому способствует, никто не соблюдает Конституцию, законы. Кругом полнейшее беззаконие. Льется кровь, народ ждет голод, и никому до этого нет дела. Обратившись к стоящему у телефонов офицеру, спросил:

«Куда за годы перестройки девалось две трети золотого запаса? Кто отчитается?» Затем говорил о том, что партия рушится, а Генсек ведет себя как посторонний человек, при встречах с членами Политбюро и секретарями ЦК с улыбкой спрашивает: «Ну как, ваша партия еще не развалилась окончательно?»

Около 5 часов утра задремал минут на 15—20. Поднявшись, включил телевизор, внимательно прослушал информационную программу «Си-Эн-Эн». Речь в ней в основном шла о событиях в Советском Союзе.

Отпустил подремать порученца. Остался один...

* * *

Давая в мае 1991 года интервью итальянской газете «Джорно», Д. Т. Язов на вопрос, могут ли Советские Вооруженные Силы совершить государственный переворот, ответил буквально следующее: «Предположение об "угрозе военного переворота силами армии" — надуманное и лишено всяких оснований».

Тем не менее не прошло и четырех месяцев, как события грянули, и немаловажную роль в них сыграли армия и ее министр. Естествен вопрос: лукавил ли Язов, отвечая на вопрос итальянцев, как, впрочем, давая аналогичные ответы и внутри страны, или переворот в его сознании произошел столь быстро? И вообще: кому и когда впервые пришла мысль о возможности столь решительных действий, даже в обход Президента? Шла ли какая-то подготовка? Что стало спусковым крючком выступления?

Сам маршал на допросе (его текст был опубликован германским журналом «Шпигель» и перепечатан газетами СНГ) 22 августа рисовал следующую картину: «...Жизненный уровень нашего народа упал, рухнула экономика, все больше обострялись национальные конфликты... В известных кругах нашего партийного руководства начались дискуссии. Постепенно вызревала мысль, что Горбачев, собственно говоря, исчерпал себя в качестве активного государственного деятеля... Он и его правительство практически не занимались проблемами внутри страны».

Разочарование... Пожалуй, так следует определить главную причину, заставившую министра обороны, уставника до мозга костей, выступить против Верховного Главнокомандующего. Разочарование в самом Горбачеве и в той линии, которую он вел и которая, по мнению Д. Т. Язова, провозглашенным некогда целям перестройки уже не соответствовала.

И второе: переворотом он события 19—21 августа

1991 г. не считал и не считает. По его убеждению, это была попытка приостановить сползание страны к катастрофе, облегчить участь народа. Предпринять что-либо радикальное Президент СССР был неспособен. В него Д. Т. Язов больше не верил.

Оглядываясь назад, рискуем отметить, что первая серьезная трещина в отношении Д. Т. Язова к М. С. Горбачеву обозначилась при рассмотрении вопроса о выводе советских войск из Венгрии и Чехословакии. Министерство обороны, обстоятельно изучив проблемы, которые могли возникнуть с реализацией соглашения о выводе, внесло предложение осуществить его в течение 4—5 лет.

Чем обосновывался этот срок? Во-первых, необходимостью обустройства выводимых соединений, частей, не подлежащих расформированию, в том числе — сроками строительства жилья, во-вторых, большим объемом вывозимых вооружения, техники и имущества, в-третьих, возможностями транспортных магистралей.

Учитывалось и то, что в свое время в соглашениях о вводе войск в Венгрию и Чехословакию и статусе их пребывания на территории указанных государств многие вопросы в правовом отношении не были урегулированы — экология, недвижимое имущество, взаиморасчеты.

Казалось, предстоят долгие, кропотливые переговоры, хотя венгерская сторона явно желала форсировать вывод наших войск.

Чехословацкое руководство проявляло меньшую напористость, оно ориентировалось на развитие переговорных процессов СССР с Венгрией.

В феврале 1990 г. в Будапеште проходило очередное заседание рабочих групп по выработке проекта соглашения. В 10 часов утра советские представители сели за рабочие столы, чтобы продолжить постатейное согласование позиций. Венгры задерживались. Через 15—20 минут вошли улыбающиеся хозяева и сообщили радостную для них весть: в Москве уже определены сроки вывода — в течение года. Соглашение будет подписано 10 марта.

В Будапешт срочно прилетел заместитель министра иностранных дел СССР И. Абоимов, отвел рабочей группе одну ночь для подготовки проекта соглашения и сам лично разрешил все противоречия, по сути дела уступив всем настояниям венгерской стороны. Видимо, такая его решительность подогревалась и тем обстоятельством, что он до назначения замминдел проработал здесь около 15 лет. Кстати, вскоре он вновь получил назначение послом в Венгрию.

Для военных это был удар в спину. Для министра обо-

роны — поражение с одновременной огромной ответственностью за судьбу войск, за судьбу людей. К этому времени на территории СССР уже имелось 173 тыс. семей бесквартирных офицеров. В связи с принятым решением в течение года к ним прибавлялось еще 33 тысячи из Венгрии и Чехословакии, да еще надо было обустроить около 140 тыс. солдат и сержантов. Ко всему прочему приближались и сроки вывода войск с территории Германии. Предстояло многотысячные воинские коллективы спешно размещать в палатках, учебных центрах, семьи военнослужащих определять в казармы, а то и просто выбрасывать на улицу. МИД торжествовал, А. Н. Яковлев удовлетворенно потирал руки, М. С. Горбачев получил венгерскую премию миротворца, Д. Т. Язов остался наедине с проблемами в ответе перед страной, парламентариями, офицерами, прапорщиками, солдатами.

Решение о выводе было принято в узком кругу, на совещании нескольких членов Политбюро ЦК КПСС, состоявшемся в марте, накануне визита в СССР Председателя Венгерской социалистической партии. Тон разговору задавали Горбачев, Шеварднадзе, Яковлев. Рассматривался вопрос о сроках вывода войск из Венгрии и Чехословакии. Д. Т. Язов ехал на заседание, казалось бы, во всеоружии — планы, расчеты, карты. Даже обзор зарубежного опыта подобных ситуаций приготовил. Но все это оказалось ненужным, так как вопрос был предрешен заранее: нужно поддержать ВСП на выборах, а для того дать согласие на спешный вывод войск. Приводились доводы, что это, мол, позволит разрядить обстановку в Восточной Европе, повысит престиж СССР и прочее, говорящееся в подобных случаях.

Д. Т. Язов дал бой Э. А. Шеварднадзе, А. Н. Яковлеву и их сторонникам. М. С. Горбачев выступил посредником, но отнюдь не нейтральным. Он стоял за скорый вывод и потому лишь стремился нейтрализовать возникший острый конфликт.

Собрав в кулак свою волю, Язов начал вывод войск. Вызвав в Москву командующих Южной и Центральной группами войск, приказал им вывезти на территорию СССР все, что можно успеть перебросить за этот короткий срок, вплоть до кирпича от разборки зданий. Одновременно переключил военных строителей и ресурсы на обустройство выводимых соединений, смело заморозив при этом другие объекты. Под жилье для семей военнослужащих переоборудовались казармы, учебные центры, склады, столовые. Для техники сооружались площадки

под открытым небом. Все мероприятия взял на жесткий каждодневный контроль.

Но проблемы решались непросто: в стране не хватало финансов, стройматериалов, транспортных средств. Обратившись к Горбачеву за помощью и не получив ее, Язов направил письма руководителям республик, на территории которых выводились войска из Венгрии и Чехословакии с просьбой о поддержке. Помогли Белоруссия, Украина, Россия, Казахстан. Но, проверяя ход размещения соединений и частей, министр обороны мрачнел, видя тоску и слезы в глазах офицерских жен и детей, поселившихся в солдатских казармах, без горячей воды, без кухонь, но с общими туалетами.

Из армии делали «козла отпущения» за межнациональные конфликты, за тяжелое экономическое положение в стране. Леворадикальная пресса рисовала военных как людей невежественных, с уголовными наклонностями, истоки «дедовщины» искала исключительно в армейских рядах.

Язов регулярно информировал Горбачева как Президента страны и Генерального секретаря ЦК КПСС об истинной картине, просил остановить процесс шельмования армии, противопоставления офицерского корпуса народу. О каких, скажем, офицерах-«дармоедах» могла идти речь, если оклад денежного содержания командира полка был ниже заработка водителя городского автобуса. Если не могли трудоустроиться десятки тысяч жен военнослужащих. Если треть и более оклада офицер отдавал за поднаем частного жилья. Четверть миллиона офицерских семей оставались бесквартирными. И это при том, что строительство жилья силами Вооруженных Сил постоянно возрастало, а при нем, Язове, за два года увеличилось в 1,5 раза.

Особенно тяжелая ситуация сложилась в гарнизонах, расположенных в Прибалтике, Молдове, Закавказье. Здесь людям отказывали в жилье, прописке, подчас гарнизоны отключали от систем водоснабжения, энергопитания.

С ослаблением Центра в стране усиливались, естественно, центробежные тенденции. Ряд союзных республик включился в так называемый «парад суверенитетов», выдвигая на первый план право иметь собственные вооруженные силы. В Прибалтике, Молдове, Грузии части Советской Армии иначе, как «оккупационными», и не называли, зато как грибы после дождя росли вооруженные формирования под личиной отрядов «самообороны», «охраны края», национальной гвардии.

Возьмем, к примеру, Молдову. 2 ноября 1990 г. ее Верховный Совет утвердил положение о республиканской гвардии. На первый взгляд, это была добровольная общественная организация, призванная следить за соблюдением порядка на митингах. А на самом деле? Гвардейцы получили право на проверку документов, задержание, обыск граждан. Им разрешалось применять «специальные средства», а затем и оружие. Весьма жестко строилась гвардия и структурно: от первичных ячеек по три человека до формирований республиканского масштаба. И если полтора года назад они могли еще казаться кому-то безобидными, то последующие действия молдавских гвардейцев в Приднестровье уже не оставляют никаких сомнений в том, для каких целей задумывалось их формирование.

Аналогичным образом обстояло дело с национальной гвардией в Грузии, «федаинами» в Армении, отрядами охраны края в Литве. Техника и оружие чаще всего приобретались грабежом армейских и досаафовских складов и парков, нападением на военнослужащих и работников милиции. «Парад суверенитетов» обернулся невиданной волной беззакония, преступности, обострения межнациональных конфликтов.

«Крайними» вновь оказались военные. Словесные оскорбления — «мигранты», «оккупанты» — это еще полбеды. У людей в погонах, у их родных отнимались самые элементарные права.

Так, принятый в Грузии в августе 1990 г. закон о выборах в Верховный Совет лишал военнослужащих избирательных прав. Здесь же Советская Армия была официально признана оккупационной силой.

В Латвии в январе 1991 г. постановлением Совета Министров прописка военных и членов их семей разрешалась только на период службы на территории республики. В июле того же года здесь была прекращена выплата пособий на детей военнослужащих срочной службы.

В Литве нарушались политические свободы и права солдат и офицеров Вооруженных Сил СССР, имел место отказ в предоставлении жилья и прописке. Зато дезертирам из Советской Армии — литовцам гарантировалась юридическая защита. Военкоматы оказались в кольце пикетов, чинивших препятствия призыву на военную службу.

Дискриминация «людей государевых» допускалась и в других местах, о чем Д. Т. Язов неоднократно ставил в известность руководителей республик, докладывал Президенту, другим высшим должностным лицам страны. Вот

только краткий и далеко не полный перечень таких докладов за последние полтора года:

8.01.90 — в ЦК КПСС о националистических проявлениях в Грузии;

15.02.90 — в Президиум Верховного Совета СССР о нарушении избирательных прав в Литве;

10.06.90 — Председателю Верховного Совета СССР об обстановке в Армении и Азербайджане;

17.01.91 — в ЦК КПСС об обстановке в Прибалтике;

14.02.91 — Президенту СССР о положении в НКАО;

16.02.91 — Председателю Совета Министров Латвии И. Годманису о дискриминации военнослужащих;

11.05.91 — Президенту СССР об обстановке в Литве.

Все эти докладные записки, обращения, письма не были попыткой переложить ответственность на чужие плечи. В чем, в чем, а в этом Язова не заподозришь. Что он мог по своей линии — делал. Но полномочия министра обороны отнюдь не безграничны. А ситуация складывалась просто кричащая, требовавшая быстрых, решительных действий.

В то же время он протестовал как мог против направления военнослужащих в зоны национальных конфликтов. Политики ругались на съездах и сессиях, обвиняя друг друга, юноши в погонах разъединяли враждующие стороны, не имея никаких прав на то, и даже права на применение оружия. По сути их делали просто мишенями для экстремистов.

Участились факты прямой физической расправы с военнослужащими. 28 декабря 1990 года Язов доложил Горбачеву следующие цифры: от рук экстремистов и хулиганов в 1988 г. погибло 15 офицеров, в 1989 — 42, в 1990 — 29 офицеров и 13 прапорщиков. Чтобы хоть как-то обезопасить военнослужащих, проходивших службу в регионах со сложными межнациональными отношениями, министр обороны разрешил им носить и применять личное огнестрельное оружие.

Можно только предположить, что если бы руководство СССР и, прежде всего, его глава предприняли конкретные меры по недопущению разжигания национализма, создания незаконных вооруженных формирований, то, вполне возможно, сегодня не было бы Карабаха, Приднестровья и других кровавых очагов. Некоторая утрата политического имиджа обернулась бы сохранением жизней тысяч людей. Но для этого нужно иметь политическую смелость, решимость и твердую волю.

А Президент? Он реагировал так, как реагировал на все доклады и записки Язова, будь то о неудовлетвори-

тельном выделении союзными республиками жилой площади Министерству обороны, об ущемлении законных прав военнослужащих в Прибалтийских республиках, о недопустимости использования воинских частей Советской Армии для погашения межнациональных конфликтов и многие, многие другие. Как это ни прискорбно, у Горбачева, высшего должностного лица страны, был один, проверенный путь ответа на тревожные сигналы от министра обороны — «Разослать членам Политбюро ЦК КПСС», затем — «членам Совета безопасности», реже — главе Правительства, где челобитные Язова воспринимались как информация к размышлению и мирно оседали в канцеляриях.

Правда, иногда удавалось достичь результата, но лишь промежуточного. К примеру, в конце ноября 1990 года министр обороны направил Горбачеву записку о целесообразности издать Указ о мерах по обеспечению исполнения союзного законодательства по вопросам обороны страны. Дело в том, что на Украине, в республиках Прибалтики, Армении, Грузии, Молдавии, Узбекистане к этому времени были приняты противоречившие Конституции СССР акты, предусматривавшие службу молодежи коренной национальности на территории республик и возвращение ее с этой целью из других регионов Союза, а по сути дела поощрявшие отказ от службы в Советской Армии. Фактически намечались контуры собственных национальных армий, ставивших под угрозу обороноспособность всего Союза.

Указ Президента был издан. И что же? Не имея, очевидно, ни желания, ни рычагов влияния, Горбачев не добился его исполнения. Точно так же было провалено исполнение Указа о роспуске незаконных вооруженных формирований. Да скорее легче назвать те считанные документы, подписанные Президентом, которые были выполнены хотя бы частично. Это, в основном, Указы о награждениях.

Язова, с юных лет привыкшего к тому, что если приказано, то должно быть непременно сделано, все это потрясало до глубины души. Видимо, постепенно он стал склоняться к той оценке Горбачева, которую позднее, дал В. И. Варенников: «Теоретик-идеалист, без малейших признаков организатора и деятеля с предвидением, без чего вообще невозможно управлять (тем более страной). Нерешительный, безвольный...»

Определяя линию поведения, министр обороны, естественно, учитывал отношение и офицерского корпуса к Президенту. Оно, по мнению Язова, было крайне нега-

тивным. Особенно ярко это проявилось в ходе собрания депутатов-военнослужащих разных уровней, которых в 1991 г. собрало в Москве российское правительство. Офицеры из глубинки вдруг потребовали, чтобы их собрание удостоил присутствием Верховный Главнокомандующий. Д. Т. Язов и О. Д. Бакланов позвонили Президенту, находившемуся на даче, и тот вынужден был приехать на другой день на встречу с офицерским корпусом страны.

Доведенные нищенским существованием до отчаяния, оплеванные «демократической» прессой, капитаны, майоры, подполковники и полковники смело резали правду-матку главе государства. Жалко было смотреть на него, мечущегося под огнем критики между министром обороны и секретарем ЦК КПСС. В довершение всего впервые, видимо, в жизни М. С. Горбачева его пространная, длинная и безотносительная к армейским проблемам речь была прервана возмущением зала. На другой день на заседании союзного парламента полковник Виктор Алкснис заявил: «Вчера Президент СССР потерял армию».

Командующие войсками военных округов ежедневно докладывали министру обороны об обстановке. Как правило, заканчивали доклад фразой: «Товарищ министр обороны, нужно что-то делать!» Но все, что зависело от него, он делал. Самолетами отправлял продукты в изолированные гарнизоны, бросал оперативные группы для разрядки напряженности и принятия мер в районы конфликтов. Навалился на строительство жилья, заставил командиров частей заниматься фермерством. Вновь и вновь докладывал Президенту — бесполезно.

1991 год был тяжелым для страны. Очень тяжело переживал его и министр обороны. Из-под ног уходила привычная опора, деформировались самые святые для его поколения понятия — социализм, держава, компартия. Страшно быстрыми, пугающими самого Язова темпами нарастало его разочарование Президентом страны. Разве к тому, что имели теперь, стремились в начале перестройки?

Язов пытается сохранить хоть что-то. Оценивая, например, базисную для отечественной экономики роль оборонных отраслей, их значение для безопасности страны, он вместе с семью коллегами из оборонных министерств обращается к Горбачеву со специальной запиской. Они буквально заклинают Президента предусмотреть в новой структуре государственного управления централизованное регулирование и управление оборонными предприятиями. При переходе к рынку, заявляют

министры, только государственная централизация может обеспечить выпуск необходимой стране сложной военной техники.

Услышал ли их Президент?

В апреле Язов готовит в Кабинет Министров обширный документ, реализация которого могла бы способствовать улучшению комплектования Вооруженных Сил срочнослужащими и их обеспечения в условиях рынка. Сокращение базы комплектования, массовое дезертирство вследствие актов, принятых в союзных республиках, ставили под угрозу обороноспособность страны.

Министр обороны предлагал приостановить предоставление отсрочек студентам; до принятия Союзного договора установить мораторий на акты, касающиеся военной службы, в союзных республиках; обязать республики обеспечивать потребности войск, дислоцированных на их территории, материальными ресурсами; и, наконец, не допускать создания и деятельности общественных организаций и неформальных группировок, имеющих целью подрыв обороноспособности и безопасности СССР. Маршал имел все основания полагать, что деятельность подобных деструктивных организаций не потерпело бы ни одно цивилизованное государство.

Наконец, Язов пытался убедить Горбачева не столь уж безоглядно доверяться миролюбивым заверениям Запада, так как страны НАТО своими интересами поступаться не намерены. Более того, США пытаются воздействовать на обстановку в СССР, подбрасывать хворост в костер дезинтеграции.

Дальнейшие события показали, что этот, как и многие другие сигналы, подаваемые Язовым, Горбачев не воспринял.

Кому-то, возможно, покажется слишком простым вывод, что именно бездеятельность Горбачева, а не какая-то особая консервативность Язова толкнула его к участию в августовских событиях. Но не зря ведь говорится: посеявший ветер пожнет бурю...

Собственно говоря, в нетвердости и непоследовательности упрекал М. С. Горбачева и премьер-министр СССР Н. И. Рыжков. Да и на съездах народных депутатов и заседаниях Верховного Совета СССР все резче становилась критика Президента СССР. Постепенно увеличивалось число парламентариев, требующих отставки Горбачева с высшего государственного поста. И трудно сказать, как разделилось бы число голосов на IV Съезде народных депутатов, поставь А. И. Лукьянов на голосование вопрос о доверии Президенту.

Среди депутатского корпуса стали распространяться слухи о якобы имевшей место вербовке спецслужбами США некоторых советских руководителей.

Подобные инсинуации достигали ушей Д. Т. Язова. Вполне естественно, что многие из них он считал полнейшим абсурдом. Дипломатия перестройки постепенно разрушала неестественное положение СССР в мировом сообществе, снимала искусственно сооруженные барьеры на пути общения граждан различных государств и развития межгосударственных отношений и, главное, отодвигала и уменьшала опасность возникновения третьей мировой войны. Дмитрий Язов эту линию во внешней политике СССР поддерживал всячески. Беспокоило министра обороны лишь то обстоятельство, что улучшение отношений с Западом развивалось в ущерб традиционным взаимосвязям со странами социалистического лагеря и сопровождалось постоянными односторонними уступками советской стороны.

В то же время нельзя было не видеть, что искушенные в политических играх западные партнеры умело использовали стремление советских лидеров быть признанными в международном сообществе. Средства массовой информации стали наперебой кричать о восходящей звезде Михаила Горбачева. Теша его самолюбие, Рональд Рейган неизменно подчеркивал выдающиеся способности своего партнера по советско-американским переговорам, встречами один на один утверждал особый характер отношений с Горбачевым. Но несмотря на это американцы каких-либо серьезных политических уступок Советскому Союзу не делали. Наоборот, весь переговорный процесс характеризовался односторонними и постоянными уступками со стороны СССР. За Горбачевым же все более прочно закреплялся статус миротворца, создателя нового политического климата в Европе, да и во всем мире. А это обязывало в свою очередь любой ценой поддерживать искусственно созданный политический имидж, а значит, и делать новые и новые уступки не только во внешней, но и во внутренней политике. Эти уступки оплачивались щедрой политической ценой. Экономическая же помощь со стороны США являлась скорее символической, но широко рекламируемой как в СССР, так и за рубежом.

Но Горбачев и его ближайшие сподвижники именно надеялись, что прежде всего благодаря западной помощи удастся разрешить внутренние проблемы. Верили ли они в бескорыстность помощи или же за этим стояло нечто другое? Сказать трудно. Уместнее, думается, приве-

сти высказывание Великого князя Владимира Кирилловича, прожившего всю свою жизнь на Западе и, вероятно, знавшего тонкости тамошней политической кухни. Вот что он высказал незадолго до своей кончины в обращении к российскому крестьянству: «Благоденствие и процветание не придут вслед за подачками — пусть даже щедрыми, но никогда не **бескорыстными** — с Запада».

Как скорее всего не бескорыстной была и дружба М. С. Горбачева с Президентом США и другими лидерами западных государств. Не хочется говорить о подкупе, взятках в прямом нашем понимании, хотя до сих пор неизвестно, за что Президент Южной Кореи Ро Де У вручил М. С. Горбачеву 100 тыс. долларов в апреле 1991 г., которые хранились в сейфе у В. Болдина. Но если проанализировать семь полученных М. С. Горбачевым премий — американских и международных, то все они вручались за определенные уступки со стороны СССР. Да и только ли Ро Де У передавал напрямую советскому Президенту кругленькие суммы?

В Комитет государственной безопасности СССР весной 1991 года поступили сведения, достоверность которых не вызывала сомнений, о том, что руководитель пресс-службы Президента Игнатенко берет взятки (десятки тысяч долларов США) за организацию каждого интервью иностранных корреспондентов с М. С. Горбачевым. В. А. Крючков об этом доложил последнему. Реакция Президента была несколько нервной. Он посчитал информацию сомнительной, однако дал указание В. И. Болдину переместить Игнатенко на другую работу, что в последующем и было реализовано. Опять же вопрос: что это — предательство руководителя пресс-службы или же он выполнял чью-то установку?

Советский Союз, как государственное образование, стремительно катился к своему трагическому концу, а Президент СССР объявлялся человеком года в США, ФРГ, на Британских островах. В стране усиливалась кампания за отставку Горбачева с поста главы государства, на Западе ему присуждается Нобелевская премия. Случайны ли такие перекосы в судьбе этого человека, приведшего страну к августу 1991 года? Ответ за историей, однако его вклад в нормализацию отношений с Западом остается весомым.

Росла оппозиция Генеральному секретарю и в рядах Центрального Комитета КПСС. Опять же все сильнее звучали требования его отставки, теперь уже с высшего партийного поста.

Радикальная пресса первым актом подготовки военного переворота в СССР определяет события в Вильнюсе в январе 1991 года. Знал ли Горбачев и его ближайшее окружение, в том числе министр обороны, о назревавших событиях в Литве? Ответ сегодня можно дать точный: знали. Но Горбачев, как всегда, вел себя таким образом, что при любом развитии событий оказывался как бы посередине, ближе к нейтральной полосе. Именно эта полоса спасла его престиж после трагедии в Тбилиси — вроде что-то слышал, но не знал. А тем более указаний никаких не отдавал.

Аналогичным образом лавировал он и в вопросах Нагорного Карабаха, событиях в Баку, при обсуждении программы «500 дней» и в других ситуациях.

Это был его стиль. Достаточно долго он позволял ему держаться на плаву.

Но всему есть предел. Тактика лавирования становилась все менее эффективной. Именно потому на вопрос: «Случайно ли возникла мысль о введении чрезвычайного положения?», — можно смело ответить: отнюдь нет. Развитие событий постепенно приближало Советский Союз к тому пределу, за которым следуют непредсказуемые действия, и это не было ни для кого тайной. Об этом говорили на всех уровнях государственной власти, в парламентах и на съездах, в правительстве и общественных институтах.

Группа «Союз» в Верховном Совете СССР неоднократно ставила вопрос о необходимости введения режима чрезвычайного положения в стране или ее отдельных регионах.

М. С. Горбачев с близкими ему людьми не раз обсуждал возможность принятия подобного решения. Кабинет Министров СССР по указанию (или с согласия) Президента СССР готовил пакет мер чрезвычайного характера с целью удержания экономики от полного развала. Чрезвычайные меры требовались по спасению финансовой системы, которая к началу 1991 г. по сути дела терпела полный крах. Внутренний долг приближался к астрономической цифре — 940 млрд. рублей (в 1985 году он составлял 142 млрд.), система же Госснаба располагала ресурсами на сумму 944 млрд. руб., из них 406 млрд. — вклады населения в сбербанке. За предшествовавшую перестройке пятилетку рост внутреннего долга составил 37,8 млрд. руб., за пять лет перестройки — 800 млрд.

Причины этой финансовой катастрофы назвал

заместитель председателя Госбанка СССР А. Волуйков: непрофессионализм, некомпетентность, нерешительность, отсутствие единой стратегии, популизм и цинизм тех, кто принимал решения в годы перестройки и уклонялся при этом от ответственности. Больше и лучше, пожалуй, не скажешь.

В первом квартале 1991 г. вполне очевидным стал паралич системы управления народным хозяйством, производство промышленной и сельскохозяйственной продукции катастрофически падало, но одновременно росло число перекупочных и перепродающих организаций, что не стимулировало производителя, а лишь вело к росту цен. Без чрезвычайных мер выход найти не удавалось.

Неоднократно обсуждалась, опять же на самом высоком уровне, проблема, связанная с небывалым доселе размахом преступности и насилия в стране. Верховный совет СССР в своем постановлении от 23 ноября 1990 г. «О положении в стране» предложил принять безотлагательные меры по борьбе с преступностью. М. С. Горбачев разразился пространным поручением о разработке таких мер. Что же вынудило парламент специально рассмотреть проблемы преступности?

Несколько цифр, надеюсь, они не утомят читателя. К моменту обсуждения ситуации в союзном парламенте они выглядели так:

преступность в 1990 г. возросла на 12 процентов и составила около 2,5 млн. преступлений, из них 22,5 тыс. убийств, более 53 тыс. тяжких телесных повреждений. В десятки раз увеличилось число похищенного преступными элементами оружия. Страну захлестнула волна спекуляции, взяточничества, казнокрадства, экономических преступлений, уличных правонарушений. Исключительно острой социальной проблемой стала организованная преступность.

В 1990 году погибло 72 и ранено 484 работника органов внутренних дел, совершено 89 убийств военнослужащих.

Обеспокоенные состоянием дел В. Догужиев, В. Крючков, Д. Язов, Б. Пуго, О. Бакланов и А. Васильев (зам. генерального прокурора СССР) 24 декабря 1990 г. представили Президенту СССР комплект документов, принятие которых способствовало бы нейтрализации криминогенной обстановки.

Среди документов проекты: Указа Президента СССР «О временных чрезвычайных мерах по борьбе с нарушениями правопорядка», Положения об основаниях

и порядке применения дополнительных мер по борьбе с преступностью, Закона «Об уголовной ответственности за экономический саботаж и посягательство на сооружения, обеспечивающие охрану государственной границы СССР». В комплект документов входили также проект еще одного Указа Президента СССР «О неотложных мерах по обеспечению борьбы с экономическим саботажем» и проект Соглашения между республиками о проведении скоординированных мер по обеспечению безопасности советских граждан, законности и правопорядка в стране.

Даже названия представленных Президенту документов, подготовленных, кстати, по его указанию, говорят об элементах чрезвычайного положения в стране. Конкретизировались они в соответствующих нормах, некоторые из которых приведем ниже:

— образовать Комитет по координации функционирования правоохранительной системы;

— привлекать подразделения Минобороны, КГБ, Минтрансстроя для охраны объектов, коммуникаций и охраны общественного порядка;

— наделить министра обороны, министра внутренних дел, председателя КГБ СССР правом: вводить в воинских частях на срок до одного месяца казарменное положение, принимать решения о применении оружия при отражении нападений на объекты и военные городки, выдавать офицерам и прапорщикам личное оружие, создать подразделения военной милиции;

— возложить на военнослужащих Вооруженных Сил СССР обязанности внутренних войск при выполнении задач по охране общественного порядка и наделить их соответствующими правами;

— усилить таможенный надзор;

— расширить права органов МВД и КГБ в отношении граждан, подозреваемых в совершении или подготовке преступлений.

Предлагалось также законодательно усилить уголовную и административную ответственность за правонарушения, особенно совершаемые организованными преступниками и в сфере экономической деятельности.

Вышеперечисленные меры должны были носить временный характер и действовать в течение 3-х месяцев.

Для того, чтобы подтолкнуть Президента СССР к принятию положительного решения, было подготовлено международно-правовое обоснование предлагаемых

мер. В частности, зная о преклонении М. С. Горбачева перед американским Президентом, авторы предложений констатировали, что, согласно Конституции США, Президент наделен властью применять военную силу (национальная гвардия и регулярные войска) в карательных целях внутри страны, когда «это, по его мнению, оправдано обстоятельствами». Подчеркивались и полномочия Президента использовать национальную гвардию и против местных властей, если они «препятствуют исполнению законов США или отправлению правосудия» (Свод законов США, глава 15, раздел 10), а также объявлять любую часть или всю территорию страны «военной зоной».

Намек был очевиден: вводить ЧП в тех республиках Союза, где не исполнялись законы и Конституция СССР, где принимались решения, противоречащие советскому законодательству.

М. С. Горбачев с интересом отнесся к предложениям, изобразил их одобрение «в основном», провел крупное совещание и... никаких решений, кроме создания еще одной комиссии, не принял. Получалось вроде бы так: он не отвергает, но ответственность на себя не берет. Завершая совещание, он сказал примерно следующее: в общем, всем нам без исключения надо активно действовать в этом направлении.

Министры обороны и внутренних дел стали действовать на свой страх и риск.

29 декабря 1990 г. был подписан совместный приказ министра внутренних дел и министра обороны № 493/513 «Об организации совместного патрулирования сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих Советской Армии и Военно-Морского Флота».

По сути дела этот приказ юридически узаконивал многие из предложений представленного М. С. Горбачеву пакета документов и опять же носил характер временных чрезвычайных мер. Президент СССР против такого приказа не возражал, но публично и не одобрил и не отверг.

Тогда же, в декабре 1990 г., председатель КГБ поручил подразделениям своего ведомства «осуществить проработку возможных первичных мер по стабилизации обстановки в стране на случай введения чрезвычайного положения», что и было исполнено его подчиненными.

В январе 1991 г. в Вильнюсе была проведена частная репетиция возможного развития событий, оправдывающих введение ЧП. Но события 13 января в Прибалтике приняли весьма нежелательный оборот, и

объявленные комитеты национального спасения взять власть не сумели.

22 января 1991 г. была предпринята еще одна чрезвычайная мера — внезапный обмен денег. 23 февраля 1991 г. на Манежной площади состоялся грандиозный митинг общественности Москвы и личного состава столичного гарнизона, на котором также обкатывались чрезвычайные лозунги и выражалась их поддержка.

Далее. Очередная сессия союзного Верховного Совета сделала вывод о чрезвычайной ситуации в СССР. А перед этим Президент Союза получил чрезвычайные права.

Затем на закрытом заседании парламента были заслушаны премьер-министр, министр обороны, председатель КГБ и министр внутренних дел опять же по поводу ситуации в стране и просьбе В. Павлова о предоставлении ему дополнительных полномочий.

Наконец, 12 апреля под председательством М. С. Горбачева обсуждался все тот же вопрос о возможных чрезвычайных мерах. Основу состава участников совещания составляли будущие ГКЧПисты.

Если на основании изложенного мы с тобой, читатель, сделаем вывод о планомерной подготовке к введению чрезвычайного положения (а нынешняя ситуация подталкивает к мысли и о его объективной необходимости), то можно проследить и его идеологическое обеспечение.

Возьмем для рассмотрения только некоторые известные, достаточно крупные факты первой половины 1991 года: обнародование статистики преступлений за предыдущий год — цифры весьма впечатляющие; опубликование в «Правде» пространной статьи «Что такое друзья демократии и как они воюют против народа?»; раскрутка дела Фильшина о 140 млрд. руб., дело А. Тарасова, дело чеченской мафии, оценка Верховным Советом СССР выступления Б. Н. Ельцина по Центральному телевидению 19 февраля; «разоблачение» позиции Российского руководства по вопросу обмена денег и повышения цен и т. д. Пиком идеологического обеспечения ЧП явилось «Слово к народу».

Президент при всем этом присутствует, но тем не менее он в тени.

Не случайно те, кто предан был ранее, стали сомневаться в правомерности такой позиции. Горбачев с легкостью расставался с ними и лихорадочно подбирал замену.

Делал это весьма просто, говоря об этом как бы невзначай, мимоходом. Так, попав в весьма неприятную ситуацию в декабре 1990 г. когда народные депутаты СССР, выслушав оправдательный доклад Президента, не восприняли его и потребовали или же представить программу по выводу страны из кризиса или уйти в отставку, разгоряченный Президент твердо заявил, что «завтра программа будет». Никакой программы его команда, естественно, за ночь подготовить не могла и все предложения вылились в очередную аппаратную игру. Главным звеном этой игры была замена Правительства СССР Кабинетом Министров, действующим под непосредственным руководством Президента (как будто ранее правительство не исполняло распоряжений главы государства). Так вот, об этом своем решении и предстоящей отставке правительства он сообщил Н. И. Рыжкову, позвонив из машины. Состоялся примерно такой диалог: «Николай Иванович, как дела?», на что последовал ответ Н. И. Рыжкова о прошедшем дне, планах на ближайшее будущее. Затем вновь вопрос: «Со здоровьем нормально?». Ответ: «Нормально». «Ну ты держись». «Хорошо, Михаил Сергеевич». «Да, мы тут поработали, посоветовались и решили, что у нас будет Кабинет Министров при Президенте. Так что ставлю тебя в известность».

Вот так легко и просто отправил Правительство в отставку и стал набирать новую команду.

К 1991 году от Горбачева ушли практически все его ближайшие сподвижники периода начала перестройки. Вращались то слева, то справа от него лишь А. Н. Яковлев и Э. А. Шеварднадзе.

Но Д. Язов все еще был верен Президенту, хотя сомнения в его дееспособности нарастали. Тем не менее, когда в июне 1991 г. собравшиеся в Москве накануне Пленума ЦК КПСС командующие войсками округов и флотами стали нажимать на министра обороны, а А. М. Макашов прямо потребовал принять заявление о недоверии Президенту СССР, Язов резко одернул выступавших, сказав при этом: «Вы что, из меня Пиночета хотите сделать? Не выйдет». Тем не менее это давление даром не прошло, осталась зарубка в памяти. Может, именно она и привела его к августу 1991 г.

Кто были те, с кем Язов очень скоро окажется в экипаже лодки под названием «ГКЧП»? Парадоксально — люди Горбачева. Он их выдвигал, проталкивал их назначение в Верховном Совете СССР, с ними советовался по важнейшим вопросам.

3 — 438

Об этом говорит следующий факт. 2 марта 1991 г. Михаил Сергеевич отмечал свое 60-летие. Он только что накануне возвратился из трудной поездки в Белоруссию, выглядел усталым. Тем не менее, хотя это был субботний день, приехал в ЦК КПСС и в своем кабинете принимал поздравления. В Кремле, в приемной его основного места работы, ждали Лукьянов, Янаев, Павлов, Язов, Крючков, Пуго, Кравченко. С Президентом прибыли Плеханов и Медведев — его охрана. А. И. Лукьянов зачитал поздравление Верховного Совета СССР и от имени всех присутствующих тепло обнял Михаила Сергеевича. Поздравляя юбиляра, все заявляли о своей поддержке его курса, намекали на необходимость большей решительности, информировали о действиях и планах демократов.

Что это было — лукавство или излияние подлинных чувств, демонстрация верности своему шефу? Скорее, это была дань многолетней партийной традиции с одновременным стремлением в дружеской обстановке как-то повлиять на линию поведения руководителя партии и государства, выработать общие подходы в оценке обстановки и попытаться закрепить М. С. Горбачева на своих позициях.

Да и характер преподнесенных юбиляру сувениров — огнестрельное, холодное оружие — должен был опять же подчеркнуть сложность ситуации и необходимость решительных мер.

Министр обороны вручил Верховному Главнокомандующему прекрасной работы кавалерийскую шашку, шутливо заметив при этом, что коня выпишет А. И. Лукьянов.

И в то же время все присутствовавшие на этом импровизированном приеме заверяли Президента в своей лояльности.

Это была его последняя команда, с помощью которой он стремился удержаться наверху власти и пытался что-то предпринять для удержания Союза от политического развала и экономического краха. Подбор тех, кто должен был реализовать его идеи, был удивительно противоречив и логически необъясним. Главные фигуры в руководстве страны не разделяли ни демократизма Горбачева, ни его линии поведения. Они были все, как один, более консервативны, чем Президент, и более прямолинейны. Для каждого из них роспуск СССР означал личную трагедию, крушение идеалов, которым они верно служили всю свою предшествующую жизнь.

Они выступали за более жесткий курс, чем он этого желал.

Было ли это очередной ошибкой М. С. Горбачева или же всего лишь тактическим ходом, каковых немало насчитывалось и ранее? Скорее, это не просчет, а стремление найти золотую середину. Президент боялся надвигавшихся событий, перспектива которых была видна уже невооруженным глазом, но остановить их он не мог. Затормозить же повсеместное наступление «демократов» он надеялся с помощью своей более решительной, чем он сам, команды. С другой стороны, это давало ему возможность числиться либералом и избегать критики слева, а состав команды должен был удовлетворять требованиям правых.

Но удачно служившая ему тактика прежних лет на сей раз не сработала — команда оказалась по другую сторону баррикад.

Что связывало министра обороны с будущими гэкачепистами?

Как ни парадоксально (опять парадокс!) — практически мало что. Вице-президент? «К сожалению, я не знал Янаева, я практически просто поддержал все это, не вдаваясь в подробности», — признался сам маршал.

Премьер-министр? С В. С. Павловым, кроме как на заседаниях Кабинета Министров, практически не встречались.

То же самое можно сказать о О. С. Шенине, В. И. Болдине, не говоря уже о А. И. Тизякове и В. А. Стародубцеве. Несколько ближе по рабочим контрактам были В. А. Крючков и Б. К. Пуго. Вне службы, однако, не встречались, дружеских или хотя бы приятельских отношений не поддерживали.

Решив выступить вместе с ними, Язов больше полагался все же не столько на Павлова, Крючкова, Пуго, сколько на возглавляемые ими структуры, на партийный аппарат. Кроме того, он явно уверовал в юридическую квалификацию и политический авторитет А. И. Лукьянова. Ну, а в затруднительных случаях полагался на подчиненных — главкома Сухопутных войск генерала армии В. И. Варенникова и своего заместителя генерал-полковника В. А. Ачалова, других.

Их настроения, возможности он знал лучше прочих, был уверен в них. Надеялся, разумеется, что его поддержат и члены Коллегии Министерства, большинство из которых подталкивали министра на решительные действия.

И все же плохое знание будущих «сподвижников» по ГКЧП подвело маршала. «Он до сих пор не может понять, как получилось, что он оказался в этой компании», — поведала жена Язова — Эмма Евгеньевна после одного из свиданий с мужем в «Матросской тишине».

О том, что министр обороны не во всем разделял взгляды членов ГКЧП, держался «особняком», на слушаниях в российском парламенте в феврале 1992 г. говорил и Главком Объединенными Вооруженными Силами СНГ маршал авиации Е. И. Шапошников (напомним, в дни путча он возглавлял Военно-воздушные силы). Когда Язов пригласил Шапошникова к себе 20 августа, коллеги главкома ВВС предупреждали, что «ты, мол, оттуда уже не придешь». «Наверное, все так бы и случилось, — заметил Евгений Иванович, — если бы Язов был до конца с ГКЧП». А так, как известно, все обошлось.

Любопытно, что известную «чужеродность» Язова в «головке» путчистов отметили и демократы. «Были ли среди членов ГКЧП неожиданные для вас фигуры?» — спросили у А. Н. Яковлева.

— Не было, — последовал ответ. — Кроме одного человека. Я был удивлен и оскорблен одновременно тем, что там оказался Язов. Фронтовик, солдат, командир роты... Как он мог это сделать — для меня это остается психологической загадкой».

«Ну, Крючков — иуда, — эмоционально высказался академик С. Шаталин, до путча заседавший вместе с председателем КГБ и министром обороны в Президентском совете, — это давно было всем понятно, но как Дед-то (Язов. — Авт.) в эту камарилью вляпался?»

И все же «вляпался». Вероятнее всего, считают хорошо знавшие его люди, Язова просто «обошли по кривой», сыграв на столь естественном для человека его поколения консерватизме.

Его убедили в необходимости чрезвычайных мер и хотя бы раз вынудили его сказать: «Согласен». После этого у него, связанного словом офицера, обратного хода не было.

Вряд ли могут возникнуть сомнения, что только участие министра обороны в событиях 19 августа 1991 г. давало хоть какой-то шанс на успех. При всем их авантюризме они понимали это достаточно ясно. Не мог не понимать этого и сам Язов. Не для представительства, как, скажем, Стародубцева или Тизякова, звали его в ГКЧП, а для действий. На него, министра обороны, на возглавляемую им армию рассчитывали организаторы выступления.

Традиции, связанные с участием военных в смене действующих на подмостках власти лиц, в России богатые. Целый период отечественной истории — от Петра I до Александра I величают «эпохой дворцовых переворотов». Благодаря штыкам гвардии воцарились Екатерина I, Елизавета — «дщерь Петрова», Екатерина II. От рук заговорщиков пал император Павел I. А советская история? Без поддержки высших военных и стоявших за ними воинских частей не удалось бы, наверное, столь легко устранить Берию. Благодаря твердой поддержке маршала Г. К. Жукова в 1957 году устоял в борьбе с «антипартийной группой» Хрущев. И он же, потеряв расположение приближенных, в том числе и министра обороны Р. Я. Малиновского, был вынужден уйти с политической арены в 1964 году. Вряд ли случайно и Брежнев держал на посту главы военного ведомства давно знакомых и близких ему по духу людей — А. А. Гречко и Д. Ф. Устинова, вряд ли случайно вошли они в круг избранных, в политическую элиту — Политбюро ЦК КПСС.

Все это Язову было хорошо известно. И, анализируя давнюю историю и не очень, он, естественно, понимал: в стане заговорщиков ему отведена лишь одна роль — ключевая. Что говорить, страшно было брать ее на себя. И маршал колебался, вновь и вновь взвешивал все «за» и «против».

Отношение к Горбачеву офицерского корпуса рассматривал как весомый плюс, чтобы сказать «да» смещению Президента. Следующий плюс заключался в определенной убежденности, что уставший от перебранки и разуверившийся в своем лидере народ по крайней мере не встанет на его защиту. О недоверии к Горбачеву говорили и результаты выборов первого Президента России.

Эти обстоятельства придавали уверенность, подталкивали к принятию положительного решения. Но смущало другое, не менее важное. Первое — возможность кровопролития. Печальный опыт Тбилиси, Баку, Вильнюса черной тенью висел над армией и ГКБ. Поэтому остро вставал вопрос — удастся ли предотвратить жертвы? Второе — массовые акции протеста против ввода в действие воинских подразделений. И третье — неясность позиции Б. Н. Ельцина, как и лидеров некоторых других республик. С одной стороны, М. С. Горбачев его политический противник. Но с другой, Ельцин — лидер демократов и, в случае неприятия последними

чрезвычайного положения, возглавит борьбу за восстановление статус-кво (скорее всего неясность позиции Б. Н. Ельцина и заставила ГКЧПистов проявить осторожность в вопросе его задержания и ареста).

И главный вопрос, который неотступно стоял перед Язовым: во имя чего это предпринимается?

В предъявленном ему обвинении по делу о ГКЧП есть такая фраза: «Он... усматривал (в подписании союзного договора. — Авт.) опасность распада СССР, дальнейшего ухудшения экономического и социально-политического положения и угрозу для личного благополучия».

Думается, обвиняемый вполне согласен с первой частью этой обвинительной фразы. Именно боль за народ, обладающий огромными потенциальными возможностями, богатейшими природными ресурсами, имеющий прекрасные историческое и культурное наследие и теперь ожидавший материального и духовного обнищания — подтолкнула маршала к мысли о необходимости что-то предпринять. Как член Совета безопасности, затем и Президентского Совета он получал достаточно много «закрытой» информации о ситуации в стране и о планах спецслужб иностранных государств в отношении СССР. Среди этой информации поступали сообщения о заинтересованности влиятельных кругов Запада в распаде СССР и оказании влияния на ускорение этого процесса. В последующем предполагалось усилить давление на отдельные выпавшие из состава Союза территории с целью установления в них иностранного влияния. Но самой пугающей была информация о планах сокращения чрезмерно большого по численности населения СССР до 150 — 160 млн. человек, с тем, чтобы природные ресурсы были достоянием и других народов. Для реализации этой идеи разрабатывались «цивилизованные» планы и определялся срок — 25 — 30 лет.

Известны были Д. Т. Язову и планы НАТО в отношении вооруженного контроля над советским ядерным оружием. И никак не мог понять он смысла фразы, брошенной Горбачевым Президенту Бушу: «Мы (СССР) хотели бы быть еще в большей зависимости от США». Что этим хотел сказать советский Президент — знает лишь он сам, но то, что это попахивает предательством интересов своего народа — вполне очевидно.

Кроме получаемой информации у министра обороны была возможность убедиться путем личных наблюдений в пагубности для страны курса Горбачева. В поездках по

гарнизонам, при встречах с простыми людьми он все больше и больше утверждался в мысли о необходимости защитить их интересы, не дать растоптать те минимальные социальные гарантии, что они заработали своей службой, своим трудом. Но на постоянно давлеющий над ним вопрос — как это сделать — ответа не находил. Обращаться к ответственности Президента, постоянно улыбающегося перед телекамерами, смысла уже не имело. Его слова противоречили его делам.

Поэтому, когда на объекте «АВС» зашла речь о мерах по спасению Союза, Отечества, Язов глубоко задумался, в душе понимая важность этих мер, но сомневаясь в их осуществимости.

О личном благополучии он не думал. Даже успех ему ничего, кроме дополнительной ответственности, моральной и физической нагрузки, не сулил. Более того, он всерьез подумывал об уходе с поста министра обороны в отставку, о чем прямо сказал Горбачеву в конце 1990 года. Президент же попытался отшутиться, но Язов стал настаивать. Договорились, что Дмитрий Тимофеевич предложит кандидата, желательно молодого и год-полтора будет вводить его в курс сложных обязанностей руководителя Министерства, а только затем получит «добро» на уход в отставку.

Выбор преемника пал на командующего воздушно-десантными войсками В. Ачалова.

И вот теперь предстояло сделать новый выбор: или пассивно ждать развития грядущих событий, или же попытаться повлиять на их ход.

В конечном итоге плюсы перевесили, и Д. Т. Язов сказал «да». Правда, с твердой оговоркой, что армии будет отведена роль пассивной давящей силы.

Основной период подготовки путча относится непосредственно к началу августа — такой вывод сделала Российская прокуратура. Ее следователь Александр Фролов сделал специальное сообщение на состоявшихся 18 февраля в Верховном Совете России парламентских слушаниях, на него мы и будем опираться.

4 августа Президент СССР отбыл из Москвы на отдых, а уже на следующий день на конспиративном объекте КГБ «АВС», расположенном в районе Окружной дороги, собралась группа высокопоставленных лиц. Присутствовал там и Д. Т. Язов. Говорили о том, что обстановка в стране катастрофическая, что подписание Союзного договора закрепляет развал СССР в то время, когда народ на референдуме однозначно высказался за

его сохранение. Было решено, что до дня подписания, назначенного на 20 августа, надо непременно добиться введения в стране чрезвычайного положения.

Там же председатель КГБ и министр обороны условились, что поручат группе компетентных товарищей проанализировать ситуацию в стране, выработать предложения на случай чрезвычайного положения и спрогнозировать реакцию населения на принятие чрезвычайных мер.

7 августа 1991 г. группа приступила к работе. Министерство обороны представлял генерал-лейтенант Павел Грачев. Несколько позже к работе подключился генерал-полковник Владислав Ачалов.

16 августа 1991 г. на объекте «АВС» обсуждались выводы и предложения, подготовленные указанной группой. Кроме В. А. Крючкова и Д. Т. Язова присутствовали Бакланов, Болдин, Шенин. Выводы были неутешительными: обычными мерами разрастающийся кризис остановить не удастся, а с подписанием Союзного договора ряд республик, не поставивших свою подпись под ним, автоматически выходят из состава СССР. Да и подписавшие договор входят в него как самостоятельные государства на конфедеративной основе. Для продолжения обсуждения ситуации и поиска выхода из нее решили собраться в более представительном составе 17.08.91 г. в 16.00.

Оставшееся до следующей встречи время маршал провел в раздумьях. Осмысливал возможные варианты развития событий, роль армии в них. В голову закрадывалось глубокое сомнение возможности удержать Союз введением чрезвычайного положения. Но в то же время даже не попытаться сделать это маршал считал преступлением перед памятью поколений минувших, перед поколениями грядущими.

В. И. Варенникова и В. А. Ачалова министр обороны пригласил к себе незадолго до поездки на «АВС». Поздоровавшись, спросил о настроении и затем немногословно сообщил, что сейчас состоится совещание, где будет обсуждаться ситуация в стране и вопрос о возможности введения чрезвычайного положения. Оба заместителя молча кивнули в знак согласия.

Почему министр выбрал именно их? Скорее всего потому, что генерал армии Варенников являлся главнокомандующим Сухопутными войсками, а именно им в случае введения ЧП придется осуществлять охрану

объектов, комендантский час и все другое, что потребует обстановка.

Генерал-полковник Ачалов принимал участие в оценке ситуации в стране в составе рабочей группы и был осведомлен о предлагаемых мерах по стабилизации обстановки.

Оба они являлись приверженцами Союза ССР и не желали его распада. Генерал Варенников, как и министр обороны, прошел по огненным дорогам Великой Отечественной. Совпадали с мнением маршала и их оценки дееспособности Горбачева.

Так что выбор участников предстоящей встречи от Минобороны случайным не был.

В 15.40 черный «ЗИЛ» с тремя седоками двинулся к месту встречи. На объекте их встретили работники КГБ и проводили в довольно уютную беседку, где все было готово к серьезному разговору. Там же находилось и большинство участников. Приветствуя друг друга, старались улыбаться, поддерживать непринужденный вид. Но по всему чувствовалась огромная внутренняя напряженность каждого из присутствующих, а постоянное озирание вокруг, приглушенность разговора, стремление не смотреть в глаза собеседника придавали встрече особую конспиративность.

В 16 часов с небольшим в беседке началось некоторое подобие заседания. Четко обозначенного председательствующего и тем более президиума не было. Участники рангом повыше задавали тон разговору, младшие по должностному положению большей частью помалкивали или же изредка поддакивали. Сумбурно обсуждали сложившуюся обстановку в СССР, делали мрачные прогнозы на ближайшее будущее и на перспективу, соглашались во мнении, что «нужно что-то делать, иначе будет поздно». Но что именно — решали долго. Конкретных планов никто не предложил, как никто не стремился и стать лидером в их осуществлении. Участникам раздали несколько документов, как оказалось впоследствии, это были некоторые из проектов будущего ГКЧП. Но присутствующие отнеслись к ним настороженно, не высказав ни «за», ни «против». В конечном итоге сошлись на том, что нужно лететь к Президенту и просить или требовать введения в стране ЧП. Казалось, что этот вариант все встретили с удовлетворением: снималась персональная ответственность с каждого из них и перекладывалась на Горбачева. Определили состав делегатов к Президенту:

Бакланов, Болдин, Шенин, Варенников, Плеханов. Министр обороны заявил о готовности выделить самолет-салон Ту-154.

В то же время встал вопрос: как быть, если Президент Указ о введении ЧП не подпишет? Раздавались голоса: нужно надавить, заставить, убедить.

Последующие действия решили строить в зависимости от реакции Президента.

Хозяева объекта предложили гостям ужин. Язов отказался, и около 20 часов вечера военные покинули «АВС». В машине министр сосредоточенно молчал, молчали и замы. Лишь однажды, вздохнув, произнес: «Да, наворочали, все успели развалить». Подъезжая к зданию Министерства обороны, Д. Т. Язов обратился к генералу Варенникову: «Валентин Иванович, вам, наверное, придется лететь на Украину. Нужно встретиться с руководителями республики, командованием округов». Немного помолчав, добавил: «Только там особенно не лезь никуда. Пусть ЧП вводит украинское руководство». Затем втроем обговорили, кого из военачальников в случае ЧП направить в другие округа.

Точкой отсчета осуществления заговора следствие считает именно вторую половину дня 17 августа, когда на объекте КГБ собрались Павлов, Болдин, Бакланов, Шенин, Грушко, Язов, Варенников и Ачалов.

Маршал Дмитрий Язов своим участием в конспиративных встречах поставил себя в число организаторов грядущих событий. Сделал это он вполне осознанно, твердо полагая, что действует во благо Отечества.

«Лично мне и многим другим товарищам, с которыми я беседовал, стало вдруг ясно, что тем самым на нас неумолимо надвигается развал Союза, — показывал Язов на допросе. — Мы были убеждены: здесь не простая ошибка, здесь идет целенаправленная работа на то, чтобы не было никакого Союза, а лишь конфедерация республик с собственными президентами». Верится — старый солдат не лукавит.

Итак, отсчет времени начался. Пролог завершился, начиналось основное действие.

Но в его организации и проведении военным хотя и отводилась ключевая роль, но отнюдь не руководящая и направляющая. Брать эту роль на себя Маршал Советского Союза не планировал да и не хотел. Он привык повиноваться политикам.

...На память пришла история А. Д. Меншикова — первого российского военного министра. Любимец и сподвижник Петра I, много сделавший для России, он закончил жизнь в ссылке. После него никто из военных министров под арестом не был. Неужели и его, Язова, ждет нечто подобное? Вспомнил и некогда прочитанное о том, что Меншикова опала не сломила, находясь в заточении, он продолжал работать, самолично срубил в Березове церковь. Местные крестьяне относились к нему, как к святому.

Как отнесутся к участию в ГКЧП его, Язова, сослуживцы, подчиненные, товарищи по партии, не переметнувшиеся в лагерь демократов? Что будет с семьей? Эмма Евгеньевна, ставшая после кончины первой жены надежным спутником жизни, всегда стремившаяся снимать его служебные стрессы своим вниманием, лаской и заботой, сегодня самостоятельно не может передвигаться. Сын Игорь — слушатель военной академии. Дочь вместе с мужем за рубежом. В Омске уже жадно ловит радио- и телесообщения старая мать. Материнское сердце стучит тревожно, чувствует надвигающуюся на ее любимца Диму страшную беду. Несмотря на огромную занятость, он ежегодно приезжал к ней на несколько часов. На большее время остаться не мог — не позволяла обстановка, да и связи, кроме городского телефона, не было. Потому-то и оставалось лишь обнять поседевшую мать, справиться о здоровье, коротко, общими фразами рассказать о себе, детях, внуках, попить чайку и снова в Москву. Мать гордилась сыном, и эта гордость, окрыляя ее, придавала силы, помогала противостоять старости.

Переживут ли его близкие такой удар судьбы, не станут ли они жертвами репрессий демократов? Он вспомнил волнующую речь на съезде народных депутатов России Светланы Горячевой, где она со слезами на глазах рассказывала, как терроризировали мать и сына за ее выступление против Б. Н. Ельцина. Но Горячева всего лишь подвергла Президента РСФСР публичной критике. Он же ввел в Москву танки.

Ближе к рассвету все же достала мысль о возможном аресте. После некоторого раздумья Язов принялся осматривать предметы, находящиеся в собственных аппартаментах. Со столика, где лежали газеты и журналы, откладываемые для внимательного прочтения, взял несколько экземпляров «Дня» со статьей К. Раша о

нем, Дмитрии Язове. Накопившиеся вырезки из газет, журналов скомкал и отбросил на письменный стол. В комнате отдыха постоял у книжного шкафа, просмотрел выставленные книги, достал Библию и два других церковных издания (презент священнослужителя, которого он принимал несколько месяцев назад), взял с собой. Осмотрел стоящие на столиках и тумбочках сувениры — не тронул. Заглянул в платяные шкафы — там висела сменная маршальская форма, внимательно посмотрел на нее и закрыл дверцу.

Подошел к окну, выходящему в закрытый двор, постоял несколько минут и вернулся к рабочему месту.

Открыл сейф, просмотрел лежащие там несколько бумаг. Важные документы в сейфе он не хранил. Просто иногда убирал от посторонних глаз информацию негативной направленности о нем да всякого рода личные, как правило, бытовые записки, квитанции и пр. Тщательно прочитал и, порвав, выбросил в корзину. В сейфе лежало и месячное жалованье, что-то около 2 тысяч рублей. Не считая, сложил их в конверт и бросил на стол.

В 6.00 отнес порученцу церковные книги, конверт с денежным содержанием, попросил все отвезти Эмме Евгеньевне. Негромко произнес: «Ты, если что, помоги ей, пока она плохо передвигается. Ну и вообще...».

Вернувшись в кабинет, дал команду дежурному генералу Центрального командного пункта о вызове членов Коллегии на заседание...

18 августа. День первый.

Министр обороны прибыл на службу как всегда рано. В 9 часов утра собрал совещание в весьма узком кругу — в основном из лиц, прямо или косвенно осведомленных о грядущих событиях. Обычно перед открытием совещаний маршал весело здоровался с подчиненными, отпускал шутки. Сегодня он был серьезен и даже мрачноват. На лице лежал отпечаток усталости — результат бессонной ночи, тяжелых раздумий.

Поприветствовав собравшихся, сообщил им, что в силу складывающейся неблагоприятной обстановки в Форос, к Президенту СССР Горбачеву, вылетает группа товарищей, чтобы предложить ввести в стране чрезвычайное положение. В случае введения ЧП будут задействованы войска с целью охраны объектов и поддержания общественного порядка. Для отслеживания

обстановки, поддержания связи и координации действий с местными органами власти принято решение направить представителей Минобороны в некоторые военные округа. Здесь же министр обороны определил, что в Прибалтийский военный округ вылетит генерал армии А. В. Бетехтин, в Туркестанский — генерал-полковник Н. А. Моисеев, в Ленинградский — генерал армии В. Ф. Ермаков. Попросил вылететь сегодня — 18 августа, по прибытии установить связь с министром обороны и ЦКП — Центральным командным пунктом. Перед закрытием совещания предупредил: если чрезвычайное положение введено не будет, никаких самостоятельных действий не предпринимать. В 9.25 совещание закончилось.

Около половины двенадцатого попытался связаться по ВЧ с главкомом ВМФ адмиралом флота В. Н. Чернавиным, отдыхавшим в Ялте. Разговор состоялся позднее, примерно в 13.45. Поинтересовавшись, как отдыхается, не приказал, а скорее попросил: «Сегодня часов в 17—18 на аэродроме Бильбек будет Варенников. Можешь с ним встретиться, и он даст тебе небольшую информацию». Подобный разговор по ВЧ состоялся и с рядом других заместителей министра обороны, командующими войсками округов.

В связи с довольно частым упоминанием населенного пункта Бильбек и его роли в событиях 18—21 августа 1991 г., думается, есть смысл сказать о нем несколько подробнее.

Из ничего не подозревающих о грядущих событиях граждан СССР одним из первых почувствовал возросшую активность вокруг резиденции Президента СССР командир авиационной части, дислоцированной в Бельбеке. Этот аэродром не впервые принимал главу Советского государства. Неоднократно приземлялся на нем самолет Л. И. Брежнева, многих членов Политбюро ЦК КПСС, избиравших Крым местом отдыха или прилетавших на аудиенцию к Генеральному секретарю ЦК.

3 августа 1991 г. прибыл президентский Ту-134. Он являлся резервным, а также планировался для использования во время возможных поездок Президента на небольшие расстояния в период отдыха.

4 августа в Бильбеке приземлился Ил-62 с главным пассажиром страны на борту.

До 18 августа все шло своим чередом — плановая повседневная подготовка личного состава полка, планирование, боевое дежурство. Экипажи

президентских самолетов сменялись регулярно. Контроль за самолетами осуществляло командование 235-го отдельного авиационного отряда.

17 августа стали готовиться к отлету Президента в Москву. Вылет был назначен на девятнадцатое. Однако 18 августа в 8 часов утра по диспетчерской линии поступила заявка на посадку литерного самолета Ту-154 из Москвы. В 11.00 запросились два Ту-134 из Борисполя (Киев) и Львова. В 14.00 еще одна заявка на Ту-134 из Сочи. Такая неожиданная активность в районе президентской дачи для командования полка была непонятной, тем более, что охрана Президента, всегда имевшая информацию о прибытии подобных «бортов», на этот раз выглядела не лучшим образом, в плане своей информированности.

Около 15 часов на аэродром Бильбек приземлился литерный Ту-154, и его пассажиры сразу выехали в Форос. Пассажиры, прибывшие на Ту-134, остались ожидать на аэродроме.

Командир полка облегченно вздохнул лишь в 9 часов вечера, когда последний из приземлившихся в этот день самолетов взмыл в воздух. Но облегчение было временным. Последующие три дня оказались еще более драматическими.

К моменту возвращения Варенникова из Фороса в Бильбек, кроме Чернавина, его ожидали командующие войсками Киевского, Прикарпатского и Северо-Кавказского военных округов. Там они получили информацию о возможности введения чрезвычайного положения. Напомним время — около 19 часов.

В этот же день, примерно в 16.30, в Ригу прибыл первый заместитель главкома Сухопутных войск генерал армии А. В. Бетехтин. Срочно собранным и несколько удивленным членам Военного совета ПрибВО он поставил задачу... изучить Закон о правовом режиме чрезвычайного положения в СССР, проверил, в каком состоянии в округе план действий при приведении войск в повышенную боевую готовность.

Маховик событий раскручивался и в Москве. В Форос (с посадкой на военном аэродроме в Бильбеке) для встречи с Горбачевым улетели Бакланов, Шенин, Варенников, Болдин и Плеханов. А несколько ранее, примерно в 12.00, к министру обороны прибыл Председатель КГБ. Поинтересовался готовностью самолета для визита к Президенту. Д. Т. Язов сообщил, что самолет выделен, все к полету готово. В ходе беседы было предложено пригласить сюда же министра внутренних дел Пуго. Дело в том, что руководитель МВД

СССР находился в отпуске и в предыдущих встречах не участвовал. Но поскольку он 18 августа прибыл в Москву, его удалось найти по телефону, и к 13.00 он был в кабинете министра обороны. Информацию о намечаемых мерах встретил спокойно. Предложил наметить меры по организации взаимодействия трех представленных в кабинете ведомств. В отношении попытки уговорить Президента ввести ЧП в стране покачал головой, сказав: «Не решится он на это».

Попили чаю, и в 14.30 Крючков и Пуго уехали.

К 19 часам министр обороны вызвал к себе В. Ачалова. Вместе направились в Кремль, к Павлову. Здесь уже находились Крючков, Пуго, Янаев, Лукьянов. Крючков долго говорил по телефону. Собравшиеся нервничали, часто поглядывая на часы, разговор вели какой-то неопределенный. Янаев и Павлов были излишне возбуждены. Язов и Пуго старались держаться в стороне, в «базарный» разговор не вступать.

Около 22 часов возвратились из Фороса «полпреды». Возвратились, как заметил Язов на допросе, «с довольно кислыми физиономиями». Но часом ранее В. А. Крючков уже сообщил предварительные итоги переговоров с Президентом. Стало ясно, что прежний план — добиться от Горбачева подписания Указа о введении чрезвычайного положения или о передаче своих полномочий вице-президенту сорвался. Несколько минут все растерянно молчали. Затем стали обсуждать, что делать дальше. Крючков подытожил, что ждать больше нечего.

Пути отступления тоже оказались отрезанными: ультиматум Президенту предъявлен, связь отключена, охрана заменена. К принятию какого-либо решения стал подталкивать и личностный мотив: все «засветились», и если не идти вперед, завтра же последуют контрмеры. Решили идти вперед. Стали уговаривать Янаева взять на себя функции главы государства, предложили образовать ГКЧП. К 23 часам раздали проект Указа вице-президента о взятии на себя функций Президента, другие проекты документов.

Неожиданно для всех А. И. Лукьянов отказался войти в ГКЧП, заявив, что как глава парламента он не может сделать этого. На Д. Язова это подействовало весьма удручающе. Около 23 часов к собравшимся присоединился министр иностранных дел А. А. Бессмертных, который, однако, предпочел также не входить в комитет.

В 23.30 Янаев подписал указ о взятии на себя

полномочий Президента страны. Он же вместе с Баклановым и Павловым подписал «Заявление советского руководства» о создании ГКЧП и о введении в некоторых местностях СССР режима чрезвычайного положения. Язов, как и другие члены ГКЧП, завизировал документ.

Этому предшествовал следующий диалог министра обороны с вице-президентом:

Янаев: — В Москеву надо ввести войска.

Язов: — Тогда нужен режим чрезвычайного положения, иначе прав на ввод войск не имеем... (Указ Янаева о введении ЧП в Москве последовал на следующий день).

Подписание документов сопровождалось бурным обсуждением. Было поддержано предложение начать с утра 19.08 передавать в средствах массовой информации принятые акты. А. И. Лукьянов напомнил о неконституционности создаваемого ГКЧП. Тут же предложили вынести документы на утверждение сессии Верховного Совета СССР, на что Анатолий Иванович возразил с сомнением: сложно созвать сейчас парламент, да и набрать требуемых для утверждения ГКЧП 2/3 голосов парламентариев будет весьма трудно.

То, что происходило в те часы в Кремле, весьма отдаленно напоминало жалкое подобие заговора. Отсутствие конкретных и взаимоувязанных планов, импровизация, расплывчатые решения, отсутствие признанного лидера.

И еще: растерянность и страх. Страх ответственности господствовал в каменных кремлевских залах и кабинетах.

Разъезжались поздно. Министр обороны поехал в здание министерства — отдать необходимые указания.

Далеко за полночь Язов был у себя на даче, в Баковке. Попытался немного отдохнуть, чтобы назавтра окунуться в мучительную атмосферу событий, которые он сам через несколько дней квалифицировал как авантюру. Один бог знает, что думал, что чувствовал в эти часы министр обороны, но уснуть ему не удалось, не дали тревожные мысли, навязчиво лезшие в голову.

Следует сказать еще вот о чем. Отключение Президента от всех видов связи, в том числе и специальной, стало причиной изъятия его абонентского комплекта, управляющего стратегическими ядерными силами, знаменитого «ядерного чемоданчика». Сделано это было с разрешения министра обороны.

Эта ситуация с «ядерным чемоданчиком» для подавляющего большинства наших читателей, видимо, требует некоторого пояснения. Попытаемся это сделать.

Гонка ядерных вооружений была доведена до величайшего абсурда. СССР и США были в состоянии несколько десятков раз уничтожить друг друга и, более того, в результате обмена массированными ядерными ударами дальнейшее развитие человечества скорее всего пошло бы по затухающей кривой, порождая каких-нибудь уродов-мутантов.

Чернобыль тому наглядный пример и серьезное предупреждение.

Необходимость оперативной выработки решения на применение ядерного оружия подтолкнула руководство США к созданию мобильных средств срочного реагирования, которые постоянно находились бы рядом с главой государства и другими лицами, облеченными правом участия в принятии решения на нанесение ядерного удара. В начале 80-х годов у американского президента появился ядерный кейс. Советское руководство по настоянию Министра обороны Д. Ф. Устинова и Председателя КГБ Ю. В. Андропова в связи с кратковременностью подлета ракет также решило обзавестись подобным инструментом. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР система была задана к разработке.

Советские конструкторы совместно с военными специалистами успешно выполнили «важное задание партии и правительства». И начиная с 1984 года высших должностных государственных (партийных) и военных лиц стали в поездках сопровожать черные ЗИЛы с многочисленными антеннами на корпусе и боевые расчеты с кейсами в руках.

И где бы ни находился руководитель — на служебном месте, в командировке, на отдыхе, — расчеты всегда рядом.

Система, сопряженная с комплексами предупреждения о ракетном нападении, обеспечивала доведение информации о ядерном нападении противника в течение нескольких секунд и примерно столько же требовалось на автоматический обмен информацией, выработку решения на ответный удар и подачу команды на пуск ракет.

4 августа 1991 г. вместе с Президентом в Форос убыли и офицеры специальной службы, обеспечивающие функционирование вышеописанной системы.

По прибытии специалисты развернули аппаратуру, организовали круглосуточное дежурство. Дежурная смена располагалась в ста метрах от резиденции М. С. Горбачева, остальные — в санатории Министерства обороны в Алупке. С кабинетом и комнатой отдыха Президента была установлена прямая телефонная связь.

До 18 августа все шло в обычном режиме. В 9.00 утра очередная смена заступила на дежурство. Доложили в Москву, своему руководству и потянулись затем монотонные и одновременно напряженные часы боевой работы. Но в 16 часов 32 минуты внезапно приборы зафиксировали пропадание всех видов связи, в том числе и правительственной. Продолжала действовать радиотелефонная. Именно по ней и удалось выйти на спецкоммутатор, с которого сообщили, что на ВЧ — станции в Мухолатке произошла серьезная авария. На просьбу соединить с Москвой телефонистка ответила отказом.

Попытались по внутренней связи связаться с охраной М. С. Горбачева. И вновь неудача.

Оказавшись в сложной ситуации, в 17.05 старший смены с некоторой робостью впервые снял трубку специальной прямой связи с Президентом СССР, которую он вправе поднимать только в критический момент. Телефон молчал.

Предприняли попытку через службу охраны Президента выяснить, есть ли какая-либо другая связь с Москвой. Незнакомый офицеру солидный мужчина в штатском спокойно ответил: «Это вас не касается, продолжайте нести дежурство». Стало ясно, что дело здесь не в аварии на станции ВЧ-связи, здесь события принимают более серьезный оборот. Своими мыслями он поделился с подчиненными. Наступила тишина. Приученные не говорить лишнего и рассуждать вслух о серьезных политических проблемах офицеры молча пытались анализировать ситуацию.

Аналогичная картина наблюдалась в Москве на пунктах управления системой. У дежурного оператора системы в 16.32 также вспыхнуло табло, свидетельствующее о пропадании связи с абонентом в Форосе. Попытка оператора немедленно связаться по правительственной связи со сменой в Форосе успехом не увенчалась, телефонистка вежливо ответила, что номер не отвечает. Удалось по другому виду связи связаться со станцией в самом Форосе, но ответ был неутешительным: произошло повреждение кабелей, меры по восстановлению принимаются. Последовали доклады по команде о происшедшем ЧП и настойчивые попытки восстановить связь с дежурной сменой в Форосе.

Наращивался должностной уровень лиц в Москве, пытавшихся дозвониться до дежурной смены, но ответы из Крыма были однотипные: в результате оползня серьезно повреждены кабели, принимаются меры к восстановлению, исправление возможно через 5—6 часов и т. д.

В 6 часов 10 минут утра 19 августа, услышав об образовании ГКЧП, операторы в Москве прекратили попытки связаться с объектом в Крыму. Стало ясно, что «оползень» несколько иного рода.

Утром 19-го начальник Главного оперативного управления Генерального штаба доложил о сложившейся ситуации Министру обороны СССР и предложил эвакуировать неработающую из-за отсутствия специальной связи секретную аппаратуру ввиду отсутствия надежности ее сохранности, а также личный состав объекта в Москву. Несколько поразмыслив над ситуацией, Д. Т. Язов дал согласие.

В 11.40 того же дня представители КГБ СССР дали разрешение на переговоры Москвы со старшим группы операторов, но форосские телефоны по-прежнему включены не были и разговор пришлось вести из Ялты. Именно тогда по правительственной связи старший группы получил команду на вывоз аппаратуры и дежурной смены в Москву.

К 16.00 аппаратура была демонтирована и погружена в автомобили. В 19.40 самолет Ту-134, прибывший 3 августа с командой, обеспечивающей отдых Президента, стартовал с аэродрома Бильбек на Москву. На борту находился тот самый «ядерный чемоданчик».

Президент СССР, Верховный Главнокомандующий Вооруженными силами 73 часа 28 минут оставался без связи из своего кабинета и несколько большее время без своего абонентского комплекта, предназначенного для передачи санкции в полуавтоматическом режиме на применение стратегических ядерных сил.

Но в Форосе оставалась «Волга» ГАЗ-31 с комплектом радиопередвижной правительственной связи. Абонентские комплекты Министра обороны СССР и начальника Генерального штаба постоянно находились в режиме боевого дежурства.

19 августа. День второй.

Подъем после бессонной ночи у министра обороны был очень ранний и скоротечный. По крайней мере, уже в 5.30 он позвонил из кабинета своему первому заместителю, генералу армии К. А. Кочетову, отдыхавшему в Крыму. Предложил вылететь в Москву «в связи с возникшими обстоятельствами». Несколькими минутами позже Д. Т. Язов связался с командующим войсками Московского военного округа генерал-полковником Н. В. Ка-

лининым. Отдал распоряжение ввести в Москву Таманскую мотострелковую и Кантемировскую танковую дивизии.

Поднятые по тревоге дивизии через 50 минут рванулись по направлению к белокаменной, лязгом гусениц и ревом моторов будоража подмосковные леса и поля, вселяя страх в водителей и пассажиров замершего на обочине автотранспорта.

Примерно в то же время, а точнее в 5 часов, командующему ВДВ генерал-лейтенанту П. С. Грачеву позвонил заместитель министра обороны генерал-полковник В. А. Ачалов и, ссылаясь на указание Д. Т. Язова, приказал выдвигать в столицу Тульскую воздушно-десантную дивизию.

Таким образом, войска покинули места постоянной дислокации и двинулись к Москве еще до того, как мир услышал о ГКЧП и объявленных им мерах.

Между тем маршал Язов продолжал нести свой крест. На 6.00 были вызваны находившиеся в Москве члены Коллегии и другие руководители центрального аппарата Министерства обороны. Язов начал с заявления А. И. Лукьянова о том, что предлагаемый к подписанию проект Союзного Договора противоречит результатам референдума, в ходе которого большинство населения республик высказалось за единый Союз, а также решениям II съезда народных депутатов СССР.

Договор собирается подписать группа людей, хоть и являющихся президентами, продолжал министр, но не уполномоченных народами развалить СССР. М. С. Горбачев настаивает на подписании Договора. Группа членов Совета безопасности обратилась к нему с предложением подписать Указ о введении чрезвычайного положения. Он отказался. Указ подписал Янаев. В 6.15 текст будет передан средствами массовой информации, вместе с «Обращением к советскому народу».

Затем министр сделал паузу, прошелся вдоль стола и стал отдавать распоряжения, которые тезисно звучали примерно так:

— обеспечить участие военнослужащих-депутатов в работе предстоящего съезда народных депутатов СССР;

— усилить охрану военных объектов и, прежде всего, позиций Ракетных войск, складов с оружием и боеприпасами, пунктов управления;

— ввести войска в столицу в соответствии с расчетом (при этом подчеркнул, что войска вводятся не для того, чтобы воевать, а обеспечить порядок. Потребовал обес-

печить меры безопасности при вводе подразделений в Москву, исключить возможные провокации);

— не разжигать вражду, а стабилизировать обстановку, заготовить все необходимое, чтобы перезимовать;

— обеспечить издание газет, которые будут стабилизировать общество;

— организовать круглосуточное дежурство, отозвать руководящий состав из отпусков;

— укрепить дисциплину и порядок, разоружить незаконные вооруженные формирования, прекратить полеты боевой авиации, не вызываемые оперативной необходимостью;

— назначить военными комендантами Москвы и Ленинграда соответственно командующих войсками МВО и ЛВО.

В заключение Д. Т. Язов сообщил собравшимся состав ГКЧП, при этом отметил, что участие А. Бессмертных — министра иностранных дел СССР в его составе остается под вопросом.

Помолчав, закрыл заседание.

В голосе и поведении министра обороны подчиненные почувствовали неуверенность, волнение, чего раньше за ним не замечалось. Расходились, обмениваясь сомнениями, обговаривая возможные планы своих действий.

Сегодня мы знаем о неоднозначной реакции участвовавших в заседании Коллегии на весть о смещении Президента страны и введении чрезвычайного положения.

Главком ВВС (воинские звания и должности даются на день события) генерал-полковник авиации Е. И. Шапошников: «С первых секунд этого заявления я почувствовал себя неуютно. Но с кем поделиться?.. Попытался разговаривать и разговаривал с некоторыми членами Коллегии. Из этих разговоров мне становилось ясно, что в общем-то мне трудно найти союзников».

Тем не менее с получением приказа машина завертелась. На места пошла шифровка, по сути повторявшая выступление Д. Т. Язова на Коллегии. Войска приводились в повышенную боевую готовность, руководящий состав отзывался из отпусков, усиливалась охрана позиций Ракетных войск стратегического назначения, арсеналов, парков, аэродромов. Особое внимание предлагалось уделить соблюдению уставного порядка и воинской дисциплины. Директива предписывала организовать взаимодействие со «здоровыми силами» местных органов власти, органами КГБ и МВД, производить во всех городах и гарнизонах совместное патрулирование войск МВД, Советской Армии и представителей общественности.

Еще к 6 часам утра дислоцированные в Москве воинские подразделения были направлены к останкинскому телецентру для обеспечения его работы в том режиме, который был приемлем для ГКЧП. Под охрану брались также правительственные здания, станции радиовещания, междугородной и международной связи, ТАСС, другие объекты. В Москву для подкрепления политических акций военной силой было введено в общей сложности около 4600 человек личного состава, более 300 танков, около 270 БМП, 150 БТР и 430 автомобилей.

В этот день Язов ощутил первое серьезное разочарование в составе нового «советского руководства». Он, проведя накануне бессонную ночь и ни свет ни заря начав действовать, был поражен тем, что вице-президент, объявивший себя главой государства, и премьер-министр прибыли на рабочие места только далеко за полдень. Да еще навеселе, успев «обмыть» свое новое амплуа. На совещание же удалось собраться лишь к 14 часам. При этом оказалось, что нет даже наметок сколько-нибудь серьезного плана действий. Все рождалось в ходе импульсивного обсуждения. Сумбурно говорили о развитии ситуации, о Горбачеве, Ельцине, нажимали на Язова, Крючкова, Пуго по обеспечению режима комендантского часа в Москве.

Самым серьезным решением, принятым на этом заседании ГКЧП, было, пожалуй, решение о проведении пресс-конференции для советских и иностранных журналистов. Д. Т. Язов от участия в таковой отказался, сославшись на необходимость быть в министерстве. Но отнюдь не эта причина была главной. Глядя на Янаева, зная состояние Павлова, он все больше утверждался в своих сомнениях. ГКЧП оказался весьма аморфным, беспомощным органом.

Как человек до мозга костей военный, привыкший к планированию и четкой организации любого дела, Язов был шокирован подходом этих государственных мужей к введению ЧП. Зачем было затевать дело, если высокие слова о наведении порядка и дисциплины в стране с первых же часов грозят остаться декларациями? Если авторы этих деклараций топят страх перед конкретными действиями в спиртном?

«Что делать?», — спрашивал себя министр обороны. Отступать он не умел. Учил войска и сам учился наступлению, обороне, встречному бою. Но не отступлению. Поведение Янаева и Павлова подталкивало его не только к решительности, но и к большей осмотрительности.

Еще рано утром командующему воздушно-десантны-

ми войсками генералу П. С. Грачеву позвонил Б. Н. Ельцин. Спросил, что происходит? Версию ГКЧП, известную Грачеву от Язова, о болезни Президента СССР, отверг. Спросил: «Выделишь своих людей на охрану?» Грачев ответил согласием, после чего доложил министру обороны. Маршал несколько минут поразмыслил и отдал распоряжение направить к Белому дому батальон десантников во главе с заместителем Грачева генерал-майором А. Лебедем.

К полудню Российское информационное агентство передало Обращение к гражданам России, подписанное Б. Н. Ельциным, И. С. Силаевым и Р. И. Хасбулатовым. Покинув Белый дом и стоя на танке № 110 Таманской дивизии перед телекамерами, Президент РСФСР зачитал его, призвав россиян к сопротивлению ГКЧП. В то же время первые колонны демонстрантов вступили на Манежную площадь. Они несли лозунги: «Фашизм не пройдет!», «Свободу!», «Язова, Пуго, Крючкова — под суд!». А около 14 часов РИА передало Указ Ельцина, квалифицирующий действия организаторов ГКЧП как государственный переворот.

У здания Дома Советов России началось возведение баррикад. Как сообщил генерал-полковник К. И. Кобец, исполнявший в тот момент обязанности председателя Госкомитета РСФСР по оборонным вопросам, был создан штаб по обороне здания. Д. Язова в течение дня постоянно мучил вопрос: как страна отреагирует на смену руководства и на объявленные меры? Только реакция людей на предпринятые ГКЧП действия могла разрешить его сомнения: надо ли было все это затевать? Если будет поддержка народа, он готов смириться даже с малоспособными «сподвижниками» по комитету.

Первые доклады удовлетворяли: если верить их авторам, население многих регионов обещание ГКЧП навести порядок на производстве, укротить преступность, добиться соблюдения законности встретило с одобрением. Литва, Молдова, некоторые другие регионы не поддержали мер чрезвычайного характера — что ж, иной реакции от них Язов и не ждал. Ее легко было предвидеть, зная политику руководства этих республик в отношении Центра.

А вот сообщение о том, что Президент РСФСР Б. Н. Ельцин и другие руководители России выступили против ГКЧП, объявили его незаконным, вызвало у Язова серьезное беспокойство. Поступила также информация о начавшемся на Манежной площади митинге, о попытке

москвичей перекрыть городские магистрали, чтобы воспрепятствовать проходу военной техники.

Что это, не мог не задать себе вопрос маршал: «бузят» единицы, спровоцированные новыми советскими буржуа и мафиозными группировками, или налицо сопротивление масс? Если последнее, то почему — ведь народ, казалось, жаждал порядка, требовал остановить разорение страны, надвигающуюся нищету и хаос? А теперь, выходит, против?

Вернувшись к 13.00 в Москву, генерал армии К. Кочетов поспешил сразу к министру обороны и, по его словам, застал последнего в подавленном состоянии. В разговоре с ним намекнул, зачем вы, мол, пошли на эту авантюру? Д. Т. Язов ответил: «По-другому поступить не мог». Первый зам получил указания и убыл в войска Московского военного округа.

Министр обороны плотно сел в рабочее кресло и нещадно эксплуатировал телефоны. Запрашивал обстановку, ставил задачи. И всем абонентам подчеркивал: не допустить кровопролития. Постоянно держал на связи руководство МВО, штаб Сухопутных войск. Беспокоила Прибалтика, Ленинград. Позвонил командующему ПрибВО генерал-полковнику Ф. Кузьмину, уточнил обстановку, поставил задачи по совместному участию с органами КГБ и МВД в изъятии незаконно хранящегося у населения оружия и расформировании на территории Прибалтики военизированных структур. Войскам также предстояло взять под охрану теле- и радиоцентры в Вильнюсе, Каунасе, Риге, Таллинне. Стремление вполне понятное — не дать выплеснуться массам на улицы, не позволить создать вооруженную оппозицию.

Мысли постоянно возвращались в Форос, к Президенту страны. Как поведет себя М. С. Горбачев в дальнейшем — от этого зависело многое.

Еще около 7.30. по инициативе командования ПВО была блокирована взлетно-посадочная полоса на аэродроме в Бильбеке. Вкупе с отключением правительственной связи эта мера должна была надежно «предохранить» М. С. Горбачева от нежелательных для ГКЧП контактов.

Особое внимание Д. Язова, естественно, было приковано к Москве, к выполнению указа Янаева о введении в столице чрезвычайного положения. Военному коменданту — командующему войсками МВО генерал-полковнику Н. В. Калинину министр обороны уточнил задачи по введению режима комендантского часа (аналогичные указания были даны военному коменданту Ленинграда генерал-полковнику В. Н. Самсонову). Спросил Н. В. Калини-

на, зачем в Москве столько техники? Командующий бодро ответил: «Сейчас выведем». В ответ: «Пока не трогай, а то подумают не то».

Танковый батальон блокировал подходы к зданию российского правительства на Краснопресненской набережной со стороны Кутузовского проспекта, все больше бронетехники выдвигалось на улицу Горького, к Кремлю, на Садовое кольцо.

Безусловно, ввод большой массы вооруженных людей и военной техники в многомиллионный город, тем более в условиях накаленной политической обстановки, был в какой-то мере безумством. Понимал ли это Язов? Говоря на допросе 22 августа о танках в столице, маршал заявил буквально следующее: «Они передвигались, но я запретил применение оружия. Они должны были только блокировать улицы».

...На стол ложились все новые и новые доклады об обстановке. Из Киева сообщал реакцию руководства и населения отправившийся туда генерал армии В. Варенников.

Штаб Забайкальского военного округа информировал о том, что на территории округа распространяется текст Указа Б. Н. Ельцина, объявляющий ГКЧП антиконституционным, преступным, в то же время руководящие документы ГКЧП в органы власти и управления не поступают.

Решительных действий требовал командующий Приволжско-Уральским военным округом генерал-полковник А. Макашов, командиры ряда соединений, частей. Поступали подобного содержания телеграммы и звонки от гражданских органов и от населения.

Читая сообщения, Язов ощутил двойственные чувства. Вроде бездействовать негоже. Но что значит действовать решительно? Это может означать кровь, жертвы. Тем более, что, как проинформировал В. Ачалов, защитникам Дома правительства РСФСР в большом количестве выдаются спиртные напитки. Среди них к тому же много женщин, людей пожилого возраста.

Число людей вокруг здания российского парламента постоянно возрастало, активность их повышалась. А рядом боевая техника, оружие, люди, управляющие боевыми машинами.

Было совершенно ясно: именно вокруг Ельцина группируются основные силы, противодействующие ГКЧП. Именно с ним будет основное противоборство.

Активность действий российского руководства, Язов не мог не отдать должное, все время нарастала. Около 17.00 РИА передало Указ № 61 Президента РСФСР о переходе до созыва внеочередного Съезда народных депу-

татов СССР всех органов исполнительной власти Союза ССР, действующих на территории РСФСР, в его непосредственное подчинение. Предписывалось исключить выполнение любых решений ГКЧП.

Около 17 часов Б. Н. Ельцин подписал обращение к солдатам и офицерам Вооруженных Сил, КГБ и МВД СССР, которое тут же стали распространять в листовках и по радио: «Солдаты и офицеры России! В эту трагическую для России, всей страны минуту я обращаюсь к вам. Не дайте поймать себя в сети лжи, обещаний и демагогических рассуждений о воинском долге! Не станьте слепым орудием преступной воли группы авантюристов, поправших Конституцию и законы СССР». (Через два часа текст обращения был на столе министра обороны СССР).

А в 23.00 к военнослужащим с призывом переходить на сторону Президента России обратился вице-президент А. Руцкой. Вскоре несколько экипажей боевых машин уже находились среди массы, оцепившей здание на Краснопресненской набережной.

Предпринимались российским руководством и организационно-технические меры по подготовке к обороне. Еще утром 19 августа в Верховном Совете России был готов план «Икс» по противодействию мерам ГКПЧ. Подходы к Белому дому были забаррикадированы, вокруг здания возникло живое людское кольцо из добровольных защитников. Отдавая им должное, следует, однако, подчеркнуть, что главную тяжесть в предотвращении кровопролития в районе Краснопресненской набережной, да и во всей Москве, вынесли военные, проявив в сложившейся ситуации выдержку и хладнокровие. Они четко выполняли свой гражданский долг и приказ министра обороны о неприменении оружия.

В 22.30 Б. Н. Ельцин подписал Указ, объявляющий ГКЧП вне закона. Сотрудникам правоохранительных органов и военнослужащим, не поддерживающим ГКЧП и не выполняющим его приказы, гарантировались «правовая защита и моральная поддержка».

20 августа. День третий.

Он начался докладами начальника Генштаба генерала армии М. А. Моисеева, главкомов видов Вооруженных Сил. Обстановка в целом складывалась спокойная, войска стычек с населением не допускали. Однако с мест по-прежнему непрерывно шли запросы, просьбы уточнить суть происходящих в Москве событий, разъяснить, какую вести линию в отношении российского руко-

водства и поддерживающих его в ряде регионов местных властей. Нужно было реагировать на возникающие вопросы.

В войска и на флоты из Генерального штаба ушла директива. В нарушение Конституции СССР, говорилось в ней, Б. Н. Ельцин провозгласил себя Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами на территории РСФСР. От него, как и других «оппозиционных и деструктивных сил», исходят требования о блокировании и невыполнении объявленных ГКЧП мероприятий.

«В целях консолидации всех здоровых сил общества по сохранению Союза» предлагалось:

— резко активизировать работу по разъяснению военнослужащим, служащим СА и местному населению истинных замыслов оппозиции, не допустить проникновения в части, учреждения и на корабли агитаторов и подстрекателей;

— перекрыть каналы поступления информации и агитации, ведущейся оппозиционными к ГКЧП силами, для чего учесть и взять под охрану все технические средства передачи информации независимо от ведомственной принадлежности;

— использовать все возможности для разъяснения правильности проводимых ГКЧП мер. Постоянно поддерживать высокую степень боевой готовности к решению задач и в условиях ЧП, и экстремальных ситуациях.

На последнем неоднократно настаивал и Д. Т. Язов в разговорах с командующими. Высокая боеготовность, порядок, дисциплина — без них войска могут быть втянуты во все более обозначавшееся противостояние сторонников ГКЧП и его противников. Если заговорит оружие — трудно даже предположить, во что все может вылиться.

В 10 часов в кабинете Янаева началось очередное заседание ГКЧП. Присутствуют не все члены комитета, у присутствующих настроение подавленное. Выводы из обстановки неутешительные, поддержки в республиках, краях и областях действия ГКЧП не получили. В то же время деятельность российского руководства оценивается как весьма опасная. Комендантский режим в Москве оказался неэффективным, войск для его осуществления недостаточно. По предложению Бакланова принимается решение о создании штаба ГКЧП, однако функции его не определены. Министерству обороны и Министерству внутренних дел поручается принять дополнительные меры по «поддержанию общественного порядка в Москве».

Д. Т. Язов дал указание присутствующему на заседа-

нии В. А. Ачалову перебросить в Москву два воздушно-десантных полка из Болграда.

В полдень министр обороны поставил задачу генералу Кочетову вместе с командующим МВО проверить организацию оцепления вокруг Белого дома. Вокруг него уже собрались десятки тысяч людей, готовых защищать российское руководство. Поэтому было опасным держать против них войска: любая искра могла вызвать взрыв. Об этом было доложено министру обороны генералом армии Кочетовым. Но отвести войска от здания 20 августа Д. Язов не решился. В тот же день была предпринята попытка активизировать поддержку местных «ГКЧП». На места была послана еще одна директива, подписанная по просьбе руководства КГБ и МВД, требовавшая направить в комитеты по чрезвычайному положению, созданные в республиках, краях и областях, представителей военных округов, флотов, армий и флотилий для участия в работе совместных с МВД и КГБ оперативных групп. Их цель — отслеживать обстановку, принимать меры по ее «стабилизации».

Как явствует из материалов следствия, с 12 до 15.00 в Министерстве обороны в кабинете В. Ачалова проходило совещание о взаимодействии подразделений ВДВ, МВД и КГБ в случае деблокирования здания российского парламента и очищении площади перед ним от защитников. В совещании участвовали генералы Ачалов, Варенников, Громов, Калинин, Грачев, Лебедь, Карпухин (командир «Альфы» — особого подразделения КГБ). Министра обороны не было. Он решил не принимать участия в рассмотрении этого весьма опасного вопроса. Но зашедший к нему маршал С. Ф. Ахромеев убедил в том, что нельзя пускать это дело на самотек, иначе могут возникнуть непредсказуемые последствия. Язов всегда уважительно относился к мнению Ахромеева. И в этом случае прислушался к нему.

В разгар совещания оба маршала вошли в кабинет Ачалова. Послушали соображения участников совещания. Предпочтение ни одному из вариантов министром обороны отдано не было. Процитировал подсказанное памятью:

«Когда на смерть идут — поют,
А перед этим можно плакать,
Ведь самый страшный час в бою
Час ожидания атаки», —

направился к выходу. П. С. Грачев подтверждает, что Д. Т. Язов участия в планировании штурма не принимал: «И вообще, все эти дни вел себя очень культурно». Об-

суждение между тем продолжалось, принимая все более острый характер.

Одни убеждали: надо сделать все, чтобы российское руководство признало ГКЧП. Для этого усилить оцепление здания парламента России: десантников расположить в районе американского посольства, войска МВД — на Кутузовском проспекте, а спецподразделение «Альфа» — на набережной.

Рассматривались и варианты действий: войска МВД оттесняют людей, расположившихся вокруг здания, а в проход входит «Альфа» и штурмует здание. Обсуждалась также версия с высадкой на крышу здания десантников.

Но конкретного согласованного плана действий по захвату или деблокированию Белого дома принято не было, все осталось лишь соображениями на всякий случай.

Этот день, 20 августа, усилил поляризацию сторон, размежевал высшие круги военного ведомства, отдалил многих высокопоставленных генералов от Язова. До конца шли за ним Варенников и Ачалов. Валентин Иванович Варенников, получивший за Афганистан Звезду Героя Советского Союза, все еще надеялся на перелом событий в пользу ГКЧП. Активность генерал-полковника Владислава Ачалова пошла на убыль, однако он продолжал действовать, указания министра исполнял четко.

Но ситуация все больше выходила из-под контроля ГКЧП.

По словам К. И. Кобеца, назначенного в этот день министром обороны РСФСР «до восстановления в полном объеме деятельности конституционных органов и институтов государственной власти и управления», защитники цитадели российских властей активно готовились к обороне. Хотя и понимали, что долго им не продержаться, если действительно будет штурм, о котором повсеместно ползли слухи. Уповали скорее не на силу оружия, а на разум солдат и офицеров, выведенных на улицы и площади Москвы. Тем не менее Президент Б. Н. Ельцин выступил с еще одним обращением к соотечественникам, где, в частности, призывал «солдат и офицеров России не дать превратить себя в слепое орудие...» Завершил обращение следующими словами: «Верю, честь и слава российского оружия не будет обагрена кровью своего народа!».

Он же специально обратился к воинам Таманской мотострелковой дивизии, отдельной мотострелковой дивизии им. Дзержинского, Кантемировской танковой дивизии: «Дорогие мои сыновья! Я надеюсь на вас, на ваш правильный выбор. Надеюсь, что вы станете на сторону законной власти — Президента РСФСР. Уверен, что вы не

допустите насилия, что вашим отцам и матерям не будет горько за своих детей».

Следует отдать должное и Д. Т. Язову. Его сомнения в правильности избранной линии поведения достигли в этот день своего пика. Не отказываясь пока публично от поддержки акций ГКЧП, он во второй половине дня все же стал сдерживать желающих поиграть военными мускулами. Ближе к вечеру участились звонки по «кремлевке»: почему войска стоят на месте, надо демонстрировать силу. Язов отказывает. Говорит, что могут быть жертвы, а этого допустить нельзя. «Авантюра, бесполезная, опасная авантюра», — эта мысль все чаще приходит ему в голову, побуждает к осторожности в поступках, подталкивает к размышлениям о грядущей ответственности.

«Когда вы увидели, что народ не "проглотил" молчаливо ГКЧП и стал сопротивляться, поняли ли вы, что из этой аферы надо выбираться?» — спросил Язова следователь во время допроса 22 августа.

И именно имея в виду второй день деятельности ГКЧП, маршал ответил: «Да, конечно. Я тогда начал кое-какие приготовления. Все это уже, собственно говоря, катилось под откос».

А нажим шел и «снизу». Приведем здесь опубликованную в прессе шифровку, направленную в адрес ГКЧП генерал-полковником А. Макашовым, недавним кандидатом на пост Президента России: «20 августа. Военный совет и войска Приволжско-Уральского военного округа, верные патриотическому долгу перед Родиной, приветствуют и поддерживают действия комитета.

Одновременно обеспокоены нерешительностью по отношению к Ельцину и его окружению.

Промедление смерти подобно».

Но министр обороны медлит, отказываясь прислушиваться к советам «доброжелателей», его активность явно пошла на убыль. Никакой уверенности в успехе предпринятой акции уже нет. Еще тяжело окончательно смириться с мыслью, что оказался втянутым в недостойную, постыдную авантюру, но она сверлит, не оставляет, мешает сосредоточиться. Что делать, какой выход найти?

Во второй половине вызвал в свой служебный кабинет главнокомандующего Военно-воздушными силами Е. Шапошникова. Спросил об обстановке в ВВС. Выслушав, приказал обеспечить, чтобы ни один военный самолет и вертолет ни с какого аэродрома не поднимался. Далее сошлемся на интервью Евгения Ивановича Шапошникова, которое он дал после описываемых событий корреспонденту «Комсомольской правды». Главком ВВС за-

говорил о необходимости достойно выйти из сложившейся ситуации.

— А разве есть достойные пути выхода? — переспросил Язов.

— Есть.

— Какие?

— Такие, что необходимо сейчас войска вернуть в пункты постоянной дислокации, необходимо разогнать, расформировать, объявить незаконным этот комитет, передать власть Верховному Совету и вернуть Президента.

Да, наверное, это был небольшой шанс, шанс весьма сомнительный и отнюдь не решающий уже ничего, пусть с запозданием объявить официально о разрыве с Янаевым и К°, но маршал не решился. Однако постепенно линию повел свою. Это оказалось тем более необходимым, что после 16 часов обстановка в центре Москвы осложнилась. Радио российского парламента распространило заявление о том, что «в ближайшее время может быть предпринята попытка штурма Дома Советов на Краснопресненской набережной». Поступила информация о передвижении в районе Садового кольца и прилегающих улиц военной техники. После одного из поздних звонков Янаева, требовавшего разогнать собравшихся вокруг Дома правительства России, министр через В. Ачалова отдал приказ: ночью войскам прекратить какое бы то ни было движение. Чутье старого солдата подсказывало: противостояние достигло пика и главное — не допустить малейшего инцидента.

Рабочий день министра обороны длился, кажется, вечно. Наконец, с наступлением ночи наступило некоторое затишье. Последняя ночь перед развязкой. Двигаясь по кабинету, маршал пытался с разных сторон оценить сложившуюся ситуацию и найти в ней хоть какие-нибудь трещинки для выхода. Он уже твердо был убежден в полном провале операции. Одной из мер, которые нужно предпринять — это возвратить войска в казармы. Но попробуй сейчас, ночью, тронь в Москве притихшие боевые машины. Тут же примут за начало атаки. Лучше сделать это утром, прилюдно. Позвонил по прямому телефону В. Ачалову и сказал о принятом решении — выводить утром войска из столицы в пункты постоянной дислокации.

А что дальше? Всегда, в любой обстановке, будь то Спитак, Баку или Ленинакан, смело принимавший решения, сегодня он решения не находил.

Уже после полуночи маршал вызвал порученца. И уже не скрывая подавленности, попросил посидеть у телефонов. Сказал: «Домой не поеду. Пойду отдохну здесь».

Но, конечно, не телефоны были причиной вызова офицера и его присутствия в кабинете. Все телефоны, кроме одного — прямого от Горбачева, переключались на дежурного адъютанта. Президента же в Москве не было. Не хотелось оставаться одному в огромном кабинете накануне надвигающейся развязки.

21 августа. День четвертый.

Тревожная, бессонная ночь стояла над столицей. Не сомкнул глаз и министр обороны, не спали и в Кремле. Оттуда нет-нет, да и звонили Язову. «Шенин, Бакланов», — доложил дежурный офицер. Дважды был звонок от Лукьянова. Маршал ни с кем разговаривать не стал. Да и о чем? Приняв решение дистанцироваться от авантюрных судорог гэкачепистов, он даже почувствовал внутреннее облегчение. Теперь он отвечал только перед своей совестью...

Требовательный телефонный звонок вынудил снять трубку — члены ГКЧП, собравшиеся в Кремле, хотели, чтобы министр обороны присоединился к ним.

— Я туда не поеду, — отрезал Язов звонившему Ачалову. — Так им и передай.

А когда, некоторое время спустя, раздался новый звонок, в сердцах приказал:

— Не соединять!..

Но что эта компания значила без него, на что могла надеяться? Только армия, а значит и Язов, еще вселяли им кое-какую надежду, если не на успех, то хоть на спасение. Посовещавшись за Кремлевской стеной, утром, 21-го, с «тылов» подъехали к зданию Министерства обороны и, почти крадучись, через спецподъезд Крючков, Шенин, Бакланов, Тизяков, Прокофьев поднялись на лифте прямо в кабинет министра обороны. Разговор пошел на повышенных тонах. Попытались «надавить» на министра обороны: мол, не все потеряно, надо действовать, вести вязкую борьбу. Язов так и не понял, что они имели в виду. Да, признаться, и не очень стремился к этому: для себя он уже все решил окончательно.

Со смешанным чувством иронии смотрел Язов, как петушился лидер московских коммунистов Юрий Прокофьев.

— Это предательство. Я обнадежил людей, нас поддержат рабочие. А вы их предаете... Дайте пистолет — лучше застрелиться...

Язов повернулся к Крючкову, жестко сказал:

— Выход один: включить Горбачеву связь и лететь в Форос. Все.

Он не сказал, что еще часа два назад отдал приказ о переброске на Бильбек морских пехотинцев. На всякий случай могут понадобиться...

Около 9 часов утра началась Коллегия. Выступили главкомы ВВС (Шапошников), ВМФ (Чернавин), РВСН (Максимов). Предложение одно: танкам в городе не место, войска из Москвы надо выводить.

— Да, с этим позором надо кончать, — согласился министр и, обращаясь к начальнику Генштаба Моисееву, бросил: — Готовь директиву...

В это время по «кремлевке» позвонил Крючков:

— Почему не летишь в Крым?

— Провожу Коллегию. Высказались за вывод войск.

И после паузы, вместившей в себя, кажется, все переживания последних дней, добавил:

— Я в эти игры больше не играю.

В 13.20 21 августа Д. Т. Язов последний раз спустился на лифте из своего кабинета в спецдвор. У подъезда стоял сверкающий черным лаком правительственный «ЗИЛ». Рядом — машина сопровождения с охраной. Водитель привычно открыл перед министром обороны тяжелую дверцу. Грузно усевшись на заднее сиденье, маршал коротко бросил водителю: «Внуково-2». Машины, рванувшись с места, выехали через автоматически открывшиеся ворота на московские улицы. Регулировщики четко перекрыли движение, и через 2—3 минуты машины понеслись по Ленинскому проспекту.

Довольно часто приходилось маршалу за последние годы мчаться по этому маршруту. Всегда ранее такие поездки сопровождались ощущением гордости, власти. Сегодня министр обороны, вдавливая свое тело в сиденье автомобиля, меньше всего хотел быть узнанным. Проезжая поворот, ведущий на улицу академика Варги, маршал глубоко вздохнул: именно с этой улицы, с закодированного здания, расположенного на ней, начались его злоключения последних дней.

«ЗИЛ» подрулил почти к самому трапу стоящего «Ил-62». Д. Т. Язов тяжелой походкой поднялся по нему, покрытому ковровой дорожкой, наверх. В главном салоне уже находились некоторые из членов ГКЧП. Несколькими минутами позже подъехали А. И. Лукьянов, В. А. Ивашко. Подождали, выглядывая в иллюминаторы. Желающих лететь повиниться перед М. С. Горбачевым больше не нашлось. В 14.00 самолет вырулил на взлетную полосу.

На аэродроме Бильбек прибывших встречали, как в

былые времена. Во «фрунт» стоял командующий Черноморским флотом, охрана. Вокруг черные «ЗИЛы», «Волги». Не было лишь цветов и пионеров.

В машину с Д. Т. Язовым сели А. И. Лукьянов, В. И. Ивашко, О. Д. Бакланов. Когда тронулись (с сопровождением, «мигалками»), Язов продекламировал отрывок одного из драматических стихотворений А. С. Пушкина. Лукьянов продолжил. Далее ехали молча.

По прибытии в Форос на дачу изолированного ими шефа все вошли в гостевой дом и стали ждать. Через охрану доложили Президенту о своем визите. Президент в приеме отказал.

Ожидание длилось более пяти часов. Д. Т. Язов почти не присаживался, все время ходил по отведенному членам ГКЧП кабинету, подолгу останавливался у окна. Около 19.30 во двор въехали несколько «Волг» — прибыла делегация во главе с А. В. Руцким и И. С. Силаевым, направленная съездом народных депутатов России. После встречи с ними Президент побеседовал с А. И. Лукьяновым и В. А. Ивашко, а затем был обратный путь на Бильбек.

Перед отъездом сопровождавший офицер шепнул Дмитрию Тимофеевичу: «Из охраны М. С. Горбачева передали, чтобы завтра в 10.00 Вы были у Президента». Д. Т. Язов молча кивнул. Хотелось надеяться на лучшее...

Зачем следовало лететь к Президенту? Язов, наверное, и сам не знал. Вряд ли Горбачев пошел бы на встречу с ним, да и что изменила бы та встреча? Его судьба уже была в руках тех, кто ликовал в Белом доме. Может, непроизвольно тянуло увидеть того, кому обязан назначением на свой, столь высокий пост и кто своими действиями, а больше бездействием подтолкнул его выступить против? И сказать лично те слова, которые 22 числа пришлось передать через следователя, ведущего допрос: «...Я сожалею и осознаю, какой кошмар я вам приготовил».

...А потом был полет назад, в Москву. В. А. Крючков летел в самолете с освобожденным из заточения главой государства в качестве заложника с целью возможного предотвращения диверсии в полете.

Остальные пассажиры, не получившие аудиенции у М. С. Горбачева, а также председатель Верховного Совета СССР и первый заместитель Генсека ЦК КПСС возвращались в Москву на борту лайнера, доставившего их в Бильбек. Но в хвостовом салоне находились и другие пассажиры — офицеры МВД России.

В половине третьего ночи колеса «Ил-62» коснулись

бетонки престижного внуковского аэропорта. Членов ГКЧП у трапа ожидали люди с автоматами наперевес. Сзади их сопровождали летевшие в самолете офицеры внутренних войск, также готовые к немедленному применению оружия.

Д. Т. Язов, встряхнувшись, бодро зашагал к зданию прилета. В холле к нему подошел заместитель начальника 9 управления (охраны) КГБ СССР и предложил: «Дмитрий Тимофеевич, зайдите, пожалуйста, сюда» и показал на дверь зала, где обычно перед вылетом останавливались члены Политбюро ЦК КПСС и другие государственные деятели высокого ранга. Там же М. С. Горбачев кратко делился со своими соратниками результатами своих зарубежных визитов сразу после приземления.

Маршал вошел в зал. Генеральный прокурор России объявил о задержании его за участие в государственном перевороте. Через несколько минут черная «Волга» увезла уже бывшего министра обороны СССР в ночную темноту. Прибывший за ним во Внуково «ЗИЛ» возвратился в ГОН (гараж особого назначения) пустым...

Задумавшись, Д. Т. Язов не заметил, как «Волга» проскочила в открывшиеся ворота и остановилась у уютного крыльца. Сопровождавшие вооруженные молодцы предложили выйти из машины и сопроводили в здание. Указав на помещение гостиничного типа, вежливо сказали: «Располагайтесь».

Оставшись один, Дмитрий Тимофеевич осмотрелся, снял галстук и расстегнул ворот рубашки.

До утра даже не задремал. Пытался осмыслить все происшедшее за последние дни. Но мысли не выстраивались в логическую схему, путались в голове. Единственное, что маршал уяснил четко — он арестован.

К утру поднялось давление, ныли ноги, натруженные ночной ходьбой по отведенному ему помещению.

Затем был допрос. Вежливый, корректный, даже несколько слащавый — но допрос, со всеми процессуальными формальностями. Во время допроса почувствовал себя плохо, попросил пригласить врача. Просьбу удовлетворили. Померив давление, врач сделал укол, дал успокоительную таблетку, порекомендовал полежать.

Вскоре допрос был продолжен. Он был долгим и утомительным.

Ночью 23 августа маршал Язов был увезен в один из изоляторов Московской области — Кашино. Везли его скрытно, дворами и проселками. И снова допрос, а затем объявление об аресте. В душе еще теплилась надежда на вызов к Горбачеву и возможное прощение. Естественно,

с освобождением от должности министра обороны СССР и уходом в отставку. Но такого приглашения не последовало. Поняв серьезность положения, маршал 23 августа обратился с письмом к Генеральному прокурору России, в котором просил дать ему адвоката.

Затем перед телекамерой наговорил обращение к Президенту СССР, которое затем стало достоянием сначала журнала «Шпигель», а затем и общественности.

26 августа ночью маршал был переправлен в «Матросскую тишину». Об этой тюрьме он был наслышан. Но представить, что будет здесь находиться в качестве узника, да еще в общей камере с двумя, а затем и с 16 арестованными за общеуголовные преступления — такое не снилось даже в самом страшном сне.

Сокамерники отнеслись к бывшему министру обороны СССР с глубоким сочувствием и уважением.

Итак, сомнений в серьезности намерений Российской прокуратуры у Д. Т. Язова не осталось. Как и не осталось надежд на помощь со стороны Горбачева.

Начинался новый этап его жизненного пути — теперь уже в роли обвиняемого в измене Родине, которой он честно служил всю свою жизнь и которую он защищал с оружием в руках.

Страшная — 64-я статья УК РСФСР реально нависла над ним, как черная, тяжелая глыба, готовая сорваться и придавить его своей огромной тяжестью.

Строки из «МАТРОССКОЙ ТИШИНЫ», или ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ

О суде над членами ГКЧП сегодня говорят разное: может статься, что его и не будет вовсе. Даже вице-президент России Александр Руцкой, столько сделавший для срыва замысла путчистов, предлагает освободить их от судебной ответственности.

Тщательно готовятся к процессу обвинение и защита. Следствие предъявило участникам событий 19—21 августа 1991 г. обвинение по статье 64 УК РСФСР — заговор с целью захвата власти. Государственную «измену» притянуть оказалось сложно — все делалось, якобы, на пользу государства. Другое дело — методы. Тем более что, по мнению прокуратуры, захват власти, отстранение и изоляция главы СССР налицо.

Но и защита не дремлет. Захват какой власти? Должностное «повышение» получил только вице-президент — все остальные остались на занимаемых должностях. Да притом и власть пытались захватить в государстве, которое с декабря 1991 года больше не существует, его Президента свергли более успешно, хотя и без применения танков. К тому же следствие допустило немало отступлений от уголовно-процессуального кодекса.

Так что и у защиты немало козырей для выигрыша этого дела.

Да и сам общественно-политический фон и экономическое состояние бывших субъектов Советского Союза вкупе с социальным напряжением в обществе, мягко говоря, не самые благоприятные для суда над членами ГКЧП. И трудно прогнозировать, кто окажется в выигрыше.

Для Д. Т. Язова, думается, это уже не так важно. Свой собственный суд над собой — для человека, пожалуй, главный — он уже совершил: «Я осуждаю эту авантюру. И буду осуждать до конца жизни то, что я причинил... нашей стране и нашему народу». Такое признание, сделанное им на допросе, согласитесь, дорого стоит.

Как и другие его слова: «То, что произошло теперь с нами, это мы переживем, расстреляют ли нас, повесят или заставят мучаться. Это лучше, чем позор, который мог бы случиться».

Каким же грузом должна лечь на душу раздвоенность от измены человеку, которому ты так обязан, чтобы

родилось такое признание? Можно также лишь представить чувства маршала, когда он узнал о признании, в свою очередь, Горбачева, сделанном по возвращении из Крыма: «Скажу... откровенно, я особенно верил Язову и Крючкову».

Не под влиянием ли этих слов подследственный высказывается без обиняков: надо «предпринять все для того, чтобы в Вооруженных Силах никто больше не повторил такой глупости».

Читая эти признания, которыми человек, столько на земле проживший и испытавший, с редкой откровенностью «подбивает итоги» своей жизни, думаешь: нет, совсем не случайно даже оппоненты Язова выделяют его из членов ГКЧП. Не вписывается он, выламывается из образа заурядного заговорщика.

Каким он казался, попав под софиты общественного внимания? Ультрарадикальная пресса любила поэксплуатировать внешность маршала — тяжеловесную фигуру, мрачноватое выражение лица, всуе позлословить над «солдафонистостью» бывшего Министра обороны. Однажды, в телевизионном блиц-интервью, на вопрос о любимых поэтах Язов ответил: «Пушкин, Лермонтов...». «Да он других фамилий и не знает», — вынес свой вердикт обыватель. Жаль, что летучим было то интервью. Многих бы, наверняка, озадачил маршал, прочтя, скажем, наизусть лермонтовский «Маскарад», стихи современного поэта Алексея Маркова.

Впрочем, обывателя поразить большой науки не надо. А вот, к примеру, мнение артистки с мировым именем Людмилы Зыкиной: «Этот человек обладает колоссальной эрудицией... Притом он сам сочиняет стихи... Язов — человек одаренный, может разговаривать на любые темы и в любой аудитории».

Или же мнение с другого берега Атлантики. Оно принадлежит министру обороны США Р. Чейни, о котором уже шла речь выше: «И я, и моя жена находились под глубоким впечатлением от общения с этим человеком... Моя жена поражена его начитанностью, знанием литературы — не только русской, но и английской, американской...».

Так вот о поэзии. Тюрьма, даже с таким «поэтическим» названием, как «Матросская тишина», конечно, не очень располагает к стихосложению. Но маршал вернулся здесь к давней привязанности.

В Татьянин день — «фирменный» праздник студенчества — маршал, явно желая, чтобы Эмма

Евгеньевна вместе с ним вспомнила о своей давней учебе в университете, набрасывает на бумаге:

Ждал встречи я, проснулся до рассвета,
Читать бумаги было лень...
Университет в Москве Елизавета
Указом учредила в этот день.

Крупным ясным почерком заполнен с обеих сторон лист, но перо, чувствуется, разбежалось и останавливается с сожалением.

Общаться с женой на бумаге для Дмитрия Тимофеевича явно становится чуть ли не ежедневной потребностью. Он использует любой повод, любую зарубку в памяти, чтобы сказать Эмме Евгеньевне хоть еще два-три слова любви, расположения, благодарности, которые, возможно, не успел произнести раньше. Это наблюдение жена Язова охотно подтверждает.

— Эмма Евгеньевна, а как вы встретились с Дмитрием Тимофеевичем?

— О, это история давняя. В 1959 году мы оказались случайными попутчиками по пути из Алма-Аты. Доехали до Москвы. Дальше ему в Ленинград, мне — в Кисловодск. А второй раз нашел он меня аж через шестнадцать с половиной лет. Вероятно, потому что мы встретились зрелыми людьми, друг к другу притереться проблем не было.

— Внешне, на службе, он довольно суров. А каков Дмитрий Тимофеевич дома, в быту?

— Вы знаете, очень теплый, внимательный. Хоть минуту, хоть кусочек внимания уделит всем. За четыре года, что мы живем в Москве, никто из окружающих не был обижен невниманием. А по службе скольких людей он поддержал!

Когда все случилось, многие отвернулись от нас. Кое-кто сообщил по телефону: «Эмма Евгеньевна, мы вам больше звонить не будем, сами понимаете». Дают, значит, понять, чтобы и я не звонила... Ничего, переживу...

Горечь слов собеседницы не трудно понять. У нас всегда так: лишь у победы детей легион, а поражение — всегда мать-одиночка. Однако — еще вопрос Эмме Евгеньевне:

— Какие чувства вы испытали, когда Дмитрия Тимофеевича назначили министром?

— Я ревела года полтора... В тот день, когда его назначили, я его потеряла. Он уже не принадлежал ни

мне, ни детям. Стал государственной фигурой — появилась охрана и все такое.

Для меня это было ужасно. Мы не могли, как прежде, в театр сходить, мы не могли просто так выйти погулять — охрана тут как тут. Я говорю: «Дима, я хочу тебя поцеловать. Ну, могу я тебя поцеловать?» А он мне: «Что ты, с ума сошла?»

Звонки бесконечные, работа день и ночь.

— Но зто, очевидно, судьба жены любого государственного мужа?

— Это не судьба, это крест. Это такой крест, вы даже не представляете.

Всплескивание руками, ахи, вздохи и непрошеные слезы — все так по-женски. И просится с языка — мол, слабый пол. Да тут же и обрываешь себя: какой там слабый. Ведь сидящая передо мной женщина лишь последние недели передвигается не в инвалидной коляске.

— Он ведь переступил и через мое состояние. Я ему 19-го так и сказала: «Дима, ты никому не изменил. Ты народу не изменил, ты Родине не изменил, ты Президенту не изменил. Ты мне изменил, но я с тобой рассчитаюсь, только вернешься домой». (Грустно улыбается.) А он в ответ: «Ты меня не осуждай»...

— А, кстати, Эмма Евгеньевна, что было 19 августа? Каким показался вам муж в тот день?

— Уехал он рано-рано. Поцеловал перед отъездом и уехал. Утром вывезли меня на коляске на прогулку. Я ничего не могу понять: в воздухе дым, гарь, какой-то шум. Я спрашиваю, в чем дело? Я же ничего не знала, от меня все скрывали... Так в чем же дело, спрашиваю? Наконец слышу: чрезвычайное положение, идут танки.

Какие танки? Откуда? Быстро меня к телефону. Звоним Дмитрию Тимофеевичу. «Да, Эммуленька, — отвечает, — ЧП». А раз ЧП, значит, надо технику, охранять жизненно необходимые объекты, охранять, защищать.

Родина, держава — для него это было все... Он вообще зациклился на этом.

— Эмма Евгеньевна, расскажите о встрече — 21-го.

— Он сам предложил мне повидаться. Я сразу не поняла, почему он прислал за мной машину. Наверное, чтобы со мной попрощаться.

— Он не сказал вам, с какой целью собирался лететь в тот день к Горбачеву?

— Нет, он не сказал. Но прощался со мной по-хорошему, может, и не предвидя, что потом будет арест.

Вы знаете, мне так кажется, внутренне он почувствовал какой-то подлог с этим «заговором». Разве это заговор? Все время поддерживалась связь с Белым домом, Крючков должен был выступить днем на сессии Верховного Совета России...

Если бы это был заговор и какая-то власть захватывалась — а какая еще власть нужна была Дмитрию Тимофеевичу? Стал бы он собирать Коллегию, советоваться со всеми, с тем же Шапошниковым? Нет, он бы приказывал — и только. Это я как женщина понимаю: раз он звал сослуживцев на совет, значит, думал о порядочности этого мероприятия. Он думал, что у этой компании все же была договоренность с Михаилом Сергеевичем.

Видно, как нелегко даются жене маршала столь свежие по времени воспоминания. Но, с другой стороны, заметно и то, как хочется моей собеседнице еще и еще говорить о ее Диме. Прошу Эмму Евгеньевну рассказать о первой встрече с мужем в «Матросской тишине».

— Подъехали. Я смело отставила костыли. С одной стороны адвокат меня поддерживал, с другой — мальчик-охранник, солдат. И провели меня на пятый этаж. Дмитрия Тимофеевича не предупредили, что я приеду. Ему только сказали, чтобы он прошел в следственную комнату. Он думал, что его вызывает следователь, и у него была бумага с просьбой разрешить со мной свидание.

И вдруг вхожу я. Задохнулся, говорит: «Эммуленька, ты? Это ты? Ты сама?» Он был потрясен.

...Сегодня он стал намного спокойнее. А сначала был шок. Но и тогда, на первом свидании, я поняла, что он не сломлен, нет, но шокирован.

А сейчас нет. Он проанализировал, что делал, как делал. И понял, что именно благодаря ему дело не кончилось хуже, что обошлось без больших жертв. Он так держал ситуацию...

Непреклонность человека

Когда в газете «День» вышли две тюремные подборки стихов Анатолия Ивановича Лукьянова, бывшего Председателя Верховного Совета СССР, а ныне посаженного своим однокашником и многолетним, но вероломным соратником М. Горбачевым в камеру «Матросской тишины», я услышал от достаточно уважаемых поэтов разных направлений: «А неплохая поэзия». Может быть, сегодня это сдержанное признание поэтами автора тюремных стихов своим окажется самой важной поддержкой нового политического заключенного.

Не секрет, что сенсационность этих тюремных стихов — в политическом имени автора. Так же, как интересны для читателя стихи И. Сталина, Мао Цзэдуна, Ю. Андропова. Так же, как интересны стихи участников громких диссидентских процессов семидесятых годов. И тем более ценно это лаконичное признание профессиональных поэтов: «А неплохая поэзия».

Значит, не будь яркой политической биографии Лукьянова, не будь этой провокационной затеи с псевдопереворотом, умело исполненной мастерами из спецслужб, все равно остались бы стихи. Они — состоялись.

Политически расходясь с взглядами одного из руководителей Советского государства А. И. Лукьянова, я приветствовал его мужественное поведение в тюрьме и осуждал вероломное предательство Анатолия Ивановича его старыми поэтическими друзьями — Андреем Вознесенским, Евгением Евтушенко, Львом Ошаниным и другими...

«Спасите меня, поэты», — обращался к своим, казалось ему, единомышленникам Анатолий Лукьянов. Не спасли, а еще и предали, еще и оболгали, насмеялись в либеральной прессе над своим былым покровителем, коему за многое по-человечески обязаны — своими книгами, заграничными поездками, более чем благополучной жизнью. Понятие чести оказалось у шестидесятников не в чести.

Газета «День» с моей статьей дошла до «Матросской тишины», и, плененный, незаконно арестованный, брошенный своим кремлевским вероломным однокашником, брошенный трусливым, лакейским депутатским корпусом Верховного Совета СССР, Анатолий Лукьянов предложил нам в «День» свои стихи, написанные в камере «Матросской тишины».

Разогнали этот Верховный Совет, и поделом. Лакеям место в лакейской, а не в высшем органе страны. Бывшие члены Политбюро и генералы КГБ, брежневские холуи и певцы соцреализма, придворные диссиденты бросают свои каменья в «Матросскую тишину» и ее новых узников. Не оскудеет архипелаг ГУЛАГ и в горбачевский период. Неожиданные поэты продолжили традиции русской тюремной поэзии.

Как бы кто ни противился, как бы кто ни относился к политическим взглядам Анатолия Лукьянова, но в будущих антологиях русской тюремной поэзии хронологически после стихов Василия Стуса, Юрия Галанскова, Юлия Даниэля будут с неизбежностью публиковаться стихи Анатолия Лукьянова.

«Над "Матросской тишиной" — синева» — песенный лад этого стихотворения заметили сразу же менестрели, уже переложили на музыку, уже поют...

В тюрьме, как и на войне, человек быстро раскрывается. Все плохое и хорошее увеличивается в размерах. Лукьянов меня даже поразил своей стойкостью, он первым из узников августовской революции отказался давать показания, еще тогда, когда никто не знал, чем это грозит. Когда руководители государства не таясь говорили о преступниках, о возможных расстрелах, о сотнях голов.

Дай-то Бог всем нам в случае чего оказаться такими же, как Лукьянов.

Народ начинает слышать «боль и слова» «Матросской тишины».

А узник продолжает писать. Это — его борьба. Его обвиняют в измене Родине люди, предавшие эту Родину в Рейкьявике и на Мальте. А он — пишет.

Анатолий Лукьянов седьмого ноября 1991 года в камере «Матросской тишины» писал сонеты о своем любимом художнике Максимилиане Волошине.

Он восторгается «гражданской войны карадагским заложником», который в отличие от форосского псевдозаложника «верен России, он верит в Россию». Сидя в камере, политзэк горбачевско-ельцинского призыва Анатолий Лукьянов уверен, как и его любимый художник, что — «душу России не сгубят свирепые демоны глухонемые».

Значит, не случайно обращается к русскому художнику Максимилиану Волошину из камеры «Матросской тишины» жертва новых политических репрессий.

Читатель, надеемся, что, прочитав книжку «Стихи из

тюрьмы», задумавшись о будущем России, ты лаконично скажешь, вложив в эти слова и политический, и социальный, и трагический смысл: «А НЕПЛОХАЯ ПОЭЗИЯ!»

Владимир Бондаренко, декабрь 1991 г.

* * *

Над «Матроской тшиной» — снева,
Опадает еле слышно листва.
Где-то Яуза шуршнт у оград.
Где-то песнями рыдает Арбат.
А в «Матросской тншине» — полумрак.
Конвоирские шаги до утра.
Чьн-то ропоты н вздохн звучат —
Вспоминают кто девчат, кто внучат.
Разорвнсь же наконец, тншина.
Долетн же, звездопад, до окна.
Отзовнсь, чужая боль и тоска,
Что не снится на свободе пока.
Над «Матросской тншиной» — снева.
Кто услышит ее боль н слова?
Кто уловнт ее горькую мысль?
Отзовнсь же, отзовнсь, отзовись...
1.10.91

* * *

Людская благодарность! Нет ее!
Не жди ее, не мучайся, не сетуй!
Все ввергнуто теперь в небытие,
Все вытравилн бойкие газеты.
Но я не верю в злобу н абсурд.
Я знаю — благодарность отзовется.
И снова будет в душах честный суд.
Он всходы даст, как нх даруют весны.
2.09.91

* * *

Всю ночь стучал в решетку дождь,
Желая достучаться
Сквозь бред газет, угар н ложь
До правды и участья.
Отмыть затоптанное в грязь
Простое слово — совесть,
Восстановнть жнвую связь
Меж тем, кем был и кто есть.
6.09.91

* * *

Меж плит тюремного двора
Пророс росточек изумрудный.
Он путь свой медленный и трудный
Сверлил с заката до утра.
Так правда путь себе пробьет
Сквозь ложь и пену словопрений.
И все история оценит,
И все история поймет.

25.09.91

* * *

Нет, тюрьме не спится ночами —
Перестукивается, перекликается,
Светит камерными очами,
Не сдается, гудит, не кается.
У нее своя жизнь особая —
Непокорная, подзаконная.
Хоть глядят глазки за ней в оба,
Остается она несклоненная.
Да, тюрьма сама — будто целое.
У нее свой Коран и Мекка.
Но ничто она не поделает
С непреклонностью человека.

25.09.91

* * *

Нет, не порвать им связь времен,
Любителям вранья.
Их стонет колокольный звон,
Как стаи воронья.
Нельзя историю разъять,
Урезать, оскопить.
Из памяти убрать нельзя
То, чем пришлось нам жить.
Там были вера, и любовь,
И тяжкий пот труда,
Солдата кровь, невинных кровь,
И радость, и беда.
Придут крушители колонн,
Гасители огней.
Но кто изгонит вдовий стон
Из памяти моей?..
Никто не вырвет из войны
Сражений и побед.
У нас без прошлого страны
Нет будущего. Нет!

2—3.12.91

* * *

В ряде мест погашен Вечный огонь
в память российских солдат.

Гасят Вечный огонь
на могилах бойцов —
Значит, дожили мы
до великой беды.
Значит, ветер распада
нам дует в лицо.
Значит, косит он
русские наши ряды.
Значит, кто-то желает,
чтоб этот огонь
Не был вечен, не жег
и не мог обвинить,
Чтоб Россия брела,
как стреноженный конь,
И времен оборвалась извечная нить.
Вы простите нас, воины
горькой российской земли,
Кто себе не позволил
наш стыд пережить.
Не погаснет огонь,
не зачахнет в пыли,
Не погибнет в забвеньи и лжи!
Не забудем мы
в муках проторенный путь,
Стоны вдов, кровь боев, звон оков!
Ну а тот, кто Россию
захочет с дороги свернуть,
Будет проклят во веки веков!

9.12.91

* * *

Человеком остаться
Под напором беды!
Не скулить, не метаться,
Сохранять для борьбы
Те последние силы,
Ту последнюю нить,
Что спасет от могилы
И потребует — жить!
Жить, чтоб правды добиться,
Чтобы свет увидать,
Чтоб страница в страницу
Эту правду сказать.
Без хулы и оваций,
Боль содравши с лица,
Человеком остаться
До конца, до конца.

СОДЕРЖАНИЕ

Главный редактор А. А Шарипов.

Художественное оформление А. И. Черных
Технический редактор Е. А. Шестернева
Корректор Л. М. Гагарина

Библиотечка журнала «Мужество», 1992

Сдано в набор 6.10.1992 г. Подписано к печати 19.11.1992 г.
Формат бумаги 84 х 108 $^1/_{32}$ Усл. печ. л. 7,05.
Уч.-изд. л. 7,5. Бумага газетная. Тираж 50 000 экз.
Заказ № 438.

Набрано в малом инновационном предприятии по оказанию полиграфических услуг «ИН-ФОЛИО»
107005, г. Москва, Денисовский пер., 30

Изготовлено в Московской типографии № 13
107005, г. Москва, Денисовский пер., 30

ISBN 0868—9652 — «Мужество»

